

Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Том VI, Ашхабад, 1962.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТУРКМЕН-АТА

Атинцы входят в число туркменских овлядов (***) — почетных групп или, как было принято писать прежде, «святых (священных) племен». Овлядами наряду с атинцами считались также ходжи, шихи, сейиды, махтумы и мюджевюры.

В литературе уже отмечалось, что привилегированное положение овлядов в туркменском обществе было связано с почитанием святых, к которым возводилось начало овлядских групп. Родоначальником большинства групп овлядов предания называют одного из четырех преемников Мухаммеда — халифов Абу Бекра, Омара, Османа и Али. Кроме того, в течение веков немало выходцев из среды самих овлядов были признаны народной традицией святыми. По верованиям туркмен, потомки этих святых тоже могли совершать чудеса или, по крайней мере, пользовались покровительством духов предков.

Атинцы — самая многочисленная группа среди туркменских овлядов. Они живут в нескольких селениях Кизыл-Арватского района (в частности, в селении Тутлы), составляют основное население поселка Ата Серахского района и двух колхозов Тедженского района (им. Ленина и «Ленин ёлы»), а также разбросаны небольшими группами по многим местам этих двух районов и в окрестностях городов Мары и Байрам-Али. Больше всего их в Дарган-Атинском районе. Вне Туркмении атинцы живут в Турткульском районе Каракалпакской АССР и, по рассказам стариков, в Иране (группа убук-ата).

Тем не менее атинцы не были самой влиятельной группой овлядов. От некоторых стариков атинцев можно услышать рассказы о их родоначальнике Гёзли-ата, который будто бы показал свою «силу» (керамат) гостившему у него ходже: он заставил спуститься с гор дракона (аждарха). Ходжа [139] испугался, а жена святого взяла палку и, сидя на месте, отогнала дракона. Однако подобные рассказы встречаются сочувствие только у самих атинцев и, может быть, у западных ёмудов, у которых многие святыни считаются могилами выдающихся представителей племени ата 1. В Туркмении пальма

первенства среди овлядов прочно принадлежит ходжам. Более того, многие текинцы и салыры не считают атинцев почетной группой (овляд).

Происхождение атинцев, как и других овлядов, еще не выяснено. Народные предания являются едва ли не единственным источником по этому вопросу, и прежде всего приходится обращаться к ним. Родоначальником племени ата устные предания считают святого Гёзли-ата, потомка третьего «праведного» халифа — Османа (бывшего, как известно, зятем пророка Мухаммеда). Настоящее имя Гёзли-ата — Хасан-ата 2.

Самая ранняя точка зрения на происхождение туркмен-ата основывается на полном доверии преданиям атинцев: их, как и других овлядов, считали отуркменившимися потомками арабов 3. Сравнительно недавно это мнение справедливо отвергнуто 4. Другая точка зрения высказана Г. И. Карповым. Отказавшись от арабской версии, Г. И. Карпов нашел возможным сблизать атинцев с атасиями, древними племенами, входившими в состав массагетов и саков 5. Эта гипотеза не имеет других аргументов, кроме сходства названий.

По устным легендам атинцев, родоначальник племени Гёзли-ата жил в г. Туркестане и женился на казашке. В одном из вариантов рассказывается о казахском бае, который объявил: «Тому, кто вернет мне утонувшего сына, дам подарок» — и про себя добавил: «Свою дочь Аксиль-мама». Тогда появился Гёзли-ата, на его глазах закинул веревку, вытащил юношу из моря и ушел. Богач устроил пышное празднество, а сыну поручил найти благодетеля. После долгих поисков сын, наконец, нашел своего спасителя. Это был огромный и сильный человек. «Что дать тебе в награду?» — спросил бай у Гёзли-ата. «Что обещал, то и дай», — последовал ответ. Казах представил дочери будущего супруга, но Аксиль-мама высказала пренебрежение к бедно одетому страннику. За это Гёзли-ата ударил ее, и лицо девушки повернулось к спине. На коленях она умоляла вернуть ей прежний вид. Святой сказал: «С семью торбами обойди семь домов, выпрашивая подаяние». Аксиль-мама выполнила это условие, стала такой же, как прежде, и вышла замуж за Гёзли-ата. Легенда известна во многих версиях. В некоторых рассказах Гёзли-ата помогает лишь вытащить застрявший в грязи караван бая; порою он не совершает даже этого чуда, а казах сам из уважения к святому решает выдать за него дочь и т. п. Но при

всех расхождений устные предания называют женой Гёзли-ата [140] казашку Аксиль-мама. С ней Гёзли-ата откочёвывает в Туркмению.

Этот рассказ можно понимать как воспоминание о некотором участии казахского компонента в формировании атинцев. Видимо, предположение, что атинцы растворили в себе какие-то казахские группы, не вызовет возражений 6. Но в общем прошлое атинцев вряд ли может быть отделено от истории многих других туркменских групп. Указания на Туркестан встречаются и в преданиях других туркмен о переселении с берегов Сырдарьи, которое легенды связывают с именем святого Ходжи Ахмеда Ясави 7.

История переселения атинцев может быть с достоверностью восстановлена лишь с начала XVIII в., когда туркмены-ата стали покидать Балханы, перекочевывая к Амударье. Некоторые данные о передвижениях отдельных групп этого племени уже есть в литературе 8, однако они не дают ключа к решению вопроса о том, откуда взялось племя ата.

Кто же такие атинцы? Наша точка зрения на возникновение ата уже была высказана 9. Мы считаем, что сама постановка вопроса должна быть иной — не «в плане исследования этнических взаимодействий, а в плане изучения судеб ислама в туркменской среде. Племя ата было создано не этническими преобразованиями, а обособлением части туркменского населения в религиозную общину. Начало племени ата (как и некоторых других групп овлядов) надо искать в суфизме.

Статья содержит материал, в котором, как кажется, можно найти доводы в поддержку такой точки зрения. Это, во-первых, текст рукописных родословных атинцев и, во-вторых, этнографические сведения, собранные автором начиная с 1958 г. в разных районах Туркменской ССР и в 1970 г. в Чимкентской области Казахской ССР.

* * *

Устные предания туркмен-ата уже были записаны разными исследователями. Из европейских авторов первым пересказал легенду атинцев об их происхождении А. Борнс. Племя ата, писал он, «составляет, как говорят, сеидов и происходит от калифа Османа» 10 (сейидами у арабов и персов называются потомки пророка Мухаммеда). Затем сведения о родоначальнике атинцев приводит в своих работах Г. И. Карпов. В одной из

них версия совсем иная: «Племя Ата считает своим родоначальником Али-Ишрана, одного из первых последователей Магомета» 11. В другой публикации Г. И. Карпов близок к А. Борнсу: атинцы — это «группа, считающая себя потомками Магомета» 12.

В записях Г. П. Васильевой вновь появляется имя Османа: «По преданию... ата — потомки первого из четырех [141] имамов Магомета — Османа»; родоначальником атинцев, «по одной версии... был Гозил-ата, по другой — Чиль-Мамед» 13. В рассказах, которые слышал Г. Е. Марков, начало атинцев ведется от пророка Мухаммеда или «от арабов или турок». Согласно одной из таких легенд, пророк Иса заставил читать упавшую с неба книгу «благочестивого человека Хизрета Османа (его называют также Хесен-Ата). Пророку понравилось его чтение, он дал ему прозвище Гёзл-ата (Глазастый) и отдал ему в жены свою дочь. Их дети были предками атинцев» 14.

Приведенные сведения не дают ясного представления о родословной традиции атинцев. Взаимосвязь между фигурами Османа и Гозил (Гёзл)-ата непонятна. В одних случаях это герои независимых друг от друга вариантов преданий (Г. П. Васильева), в других — одно и то же лицо (Г. Е. Марков). Я. Р. Винников пересказывает легенды атинцев в самых общих словах: «Предания связывают происхождение туркмен-атинцев с именем Мухаммеда» 15.

Имя их родоначальника Гёзли-ата хорошо известно атинцам; это подтверждают материалы С. М. Демидова и С. П. Полякова 16, а также свидетельство выдающегося туркменского поэта Махтумкули, который, обращаясь к другому поэту, атинцу Дурдышахиру, говорил: «Если ты [потомок] Гёзли-ата, то мы [из] народ (а) геркезов» 17. Тем не менее и другие версии формально имеют право на существование, ибо распространенный вариант легенды не всегда бывает самым древним и достоверным. А при наличии нескольких вариантов легенды на правильную интерпретацию можно рассчитывать только в том случае, если удастся установить, издавна ли предание существует в виде ряда самостоятельных (параллельных) версий или же расхождения появились в итоге искажения древней традиции. Помочь разобраться в этом может рукопись, излагающая родословную. Не следует думать, конечно, что записанная кем-то много лет назад легенда воспроизводит первоначальный вариант. Нет, даже сочинения Абу-л-гази, представляющие собой, по сути дела, пересказ народных легенд, показывают, что и древние записи преданий время от времени

редактировались. Но рукописная родословная явно старше устных версий, записанных в наши годы, следовательно, факты, отраженные в преданиях, искажены в рукописи меньше.

Мне удалось увидеть два списка родословной племени ата. Оба документа написаны на бумажных свитках, которые хранятся свернутыми в трубочку, обвязанную сверху материей. Владелец первого — Яры Тувоков, родился в 1930 г., житель селения Тутлы Кизыл-Арватского района. Обладатель второго — Аман Эмиров, родился около 1900 г., житель поселка Ата Серахского района. Оба они принадлежат к [143] атинскому «роду» мёмин. С любезного согласия владельцев я сфотографировал рукописи 18.

Ниже дается перевод. Цифры на полях соответствуют номерам строк оригинала. Вертикальный штрих отмечает начало каждой строки, два штриха — начало каждых пяти строк. В квадратных скобках — мои пояснения, в круглых скобках — слова, отсутствующие в тексте оригинала, дополненные мной. Язык рукописей — тюркский, близкий к так называемому чагатайскому, с вкраплением словосочетаний, строк и даже абзацев, написанных по-арабски (изредка — по-персидски). Курсивом выделен арабский текст оригинала. Пользуюсь случаем поблагодарить профессора Института восточных языков при МГУ П. И. Петрова за перевод арабского текста.

У первого свитка оторвано и утеряно начало, поэтому порядковое обозначение слов условное. Первая строка (из оставшихся) сохранилась не полностью, последние слова в ней — «Аллах, милостивый, милосердный». Во второй строке нет конца, но восстановить его нетрудно, ибо вся строка воспроизводит изречение Корана: «Поистине Аллах избрал Адама и Нуха и род Ибрахима и род 'Имрана пред мирами» 19.

3 | «Это — Наш довод, который Мы даровали Ибрахиму против его народа. Мы возвышаем степенями тех, кого \ желаем. Поистине, Господь твой — мудрый, знающий! И даровали Мы, ему Исхака и Йакуба; всех Мы вели 5 прямым путем; || и Нуха вели Мы раньше, а из его потомства — Дауда, Сулаймана, и Аййуба, и Йусуфа, \ и Мусу, и Харуна. Так воздаем мы делающим добро! И Закарию, и Йахйу, и Ису, \ и Илйаса — они все из праведных. И Исмаила, и ал-Йаса, и Йунуса, и Лута \ — и всех Мы превознесли над мирами. И из отцов их, и потомков их, и братьев их. \ Мы

избрали их и вели их на прямой путь» 20. Далее следует бессмысленная фраза из четырех слов. Затем:

10 || «От его преподобия пророка Адама — (да будет на нем) благословение божье! — от Адама и Хавы было | пятьсот душ детей, (которые рождались) двойнями: один ребенок мужского пола, другой — женского. | Но первым был Шиш — мир ему! Всевышний бог из рая послал ему | в жены гурию. Сын Адама — Шиш, его сын — Ануш, | его сын — 15 Кания, его сын — Мала’ил, его сын — Ярда’ил, || его сын — Ухнух, его сын — Матушалех, его сын — Идрис | пророк — мир ему! Его сын — Малик, его сын — Анас, его сын — | Нух, пророк. У Нуха было четыре сына: Хам, Сам, | Яфес, Кан’ан 21. Дети Хама попрали священное писание | и были неправедными, поэтому были рабами (других) потомков 20 Адама. || Арабы и персы — потомки Сама. Сам | был [143] пророком, в его лице был явствен свет [религии, возрожденной впоследствии деятельностью] Мухаммеда. Сын Сама — | Хашим, его сын — Салих, его сын — ‘Абуз, его (сын) — Балх, его сын — | Ашрух, его сын — Басур, его сын — Асур, его сын — Тарх | по прозвищу Азар, потому что (он) был везиром Нимруда. Его сын — Ибрахим, друг божий. || Всевышний 25 бог в священном писании (о нем) память (оставил): «Так следуйте его вере!» «Религия Ибрахима ханифа» \ — так называли 22 его религиозное учение [тарикат]. Его сын — Исма’ил предназначавшийся в жертву Богу, его сын — | Лайан, его сын — Кайдар, его сын — Хамалмулюк, его | сын — Набатмулюк, его сын — Салармулюк, | его сын — Йемшехмулюк, его сын — Йейсихмулюк, его сын — Адармулюк, его сын — Мадад || мулюк, его сын — ‘Аднанмулюк, его сын — 30 Ка’адмулюк, | его сын — Хазимамулюк, его сын — Кинанамулюк, его | сын — Насрмулюк; (племя) курейш — его потомки.

У Насрмулюка | было два сына. Один — Давмалик, другой — Альмалик. Сын Альмалика — | Фахар, его сын — Галиб, его сын — Лой, его сын — Ка’аб, его || сын — Мерт, его 35 сын — Килаб, его сын — Кусай, его сын | — ‘Абд аль-Манаф. У ‘Абд аль-Манафа было два сына: один — Хашим, другой — Абд аш-Шемс. | Сын Хашима — ‘Абд аль-Мутталиб, его сын — Абдаллах, его сын — | Мухаммед — мир ему! Изложение о Лое. (Его) сын — Ка’аб, его сын — Омар, его сын — ‘Амр, | его сын — ‘Осман, его сын — Кухафа, его сын — Абу Бекр Сыддык [Правдивейший] — да будет доволен им Аллах! || 40 Изложение о Лое. Его сын — Ка’аб, его сын — ‘Азиз, его сын — Руах, его | сын — ‘Абд аль-Азиз, его сын — Нуфл, его сын — Ибн Хаттаб, его — сын — ‘Омар.

Изложение об 'Абд аш-Шемсе. Его сын — Омейя, его сын — Абу Л'ас. | Его сын — 'Аффан, его сын — хазрет [его преподобие] 'Осман Зиннурайн [обладающий двумя светочами 23] — да будет доволен | им Аллах! Его сын — 'Абдаллах Акбар, его сын — Харун, его сын — \\ 'Абд аль-Джаббар, 45 его сын — 'Абд аль-Кахар, его сын — 'Абд аль-Карим, его сын — | Шахаб ад-дин, его сын — Наджм ад-Дин. У Наджм ад-Дина было два сына. | Имя одного — Са'д | по прозвищу Исмахмуд-ата, | имя другого — Ма'руф-ата, его [т. е. Ма'руф-ата] сын — Дауд, его сын — Хасан, его || сын — Хусейн, 50 его сын — Му'мин, его | сын — | Баязид, его сын — Иса, его сын — Ходжа, его сын — Бадр-| ходжа, его сын — Садр-ходжа, его сын — Искандер, его сын — | Яхйа, его сын — Кайсар, его сын — Мурад, его сын — Сулейман 24.

| У Сулеймана было два сына: имя одного — Суджук-лук | -ата, имя другого — Махаб-ата — да смилостивится 55 над ним (Аллах)! Сын Суджуклук-ата — да смилостивится над ним Аллах! — | Султан, Полюс Полюсов 25 Хаким-ата [144] Сулейман — (да будет) на нем малость (божья!). | Говоря: «Хаким» [т. е. мудрый], (имели в виду, что он) в учении [тарикат] его преподобия Ходжа Ахмеда Ясави увидел мудрость. | Поэтому его и называли Хаким-ата. У Хаким Сулеймана было четверо сыновей: | один — Асгар-ходжа, один — 60 Коджкар-ходжа, один — Махмуд-ходжа, один — || Султан Хубби-ходжа — да смилостивится над ним Аллах и да приветствует (его,)! — (который) благословенным образом скрылся [неизвестно куда при жизни — гайиб булди]. | (Его) сын — шейх Са'д Нефес. Другом [иниси] султана Санджара Мази | был сын Абу Са'ида.

Изложение о Махаб-ата. (Его) сын — Хасан-ата. | Так как в области религиозного учения [тарикат] затруднительные обстоятельства были (а он увидел выход из них), поэтому его называли Кюзлюк-ата. | От Полюса Полюсов, потомка семьи (пророка) — да будет чист его прах! — 65 мюршида, идущего || по пути познания непреложной истины, лучшего из друзей (божьих) 26, его преподобия Ходжа Ахмеда Ясави | позволение (на это) было. У его преподобия Кюзлюк-ата было три сына. | Имя одного — Нур-ата, имя другого — 'Омар-ата, имя третьего — Ибрахим-ата. | У 'Омар-ата было два сына: имя одного — Отады-ата, | имя другого — Одамыш-ата. У Отады ата было шесть сыновей: один — 70 Чин || Мухаммед-ата, другой — Муса-

ходжа-ата, третий — Ахмед-ата, четвертый — Му'мин-ата, пятый — | Абдал-ата, шестой — Селим-ата.

Изложение о Му'мине. Сын Му'мина — Абдураззак, | его сын — Абдулкарим, его сын — Тангрыберды. У Тангрыберды | было два сына: один — Ярмезид, другой — Кулмезид. Сын Ярмезида — | Одамыш по прозвищу Оклы Токум 27. У Оклы 75 Токума было четыре сына: || один — Алифкара 28, другой — Коджкара, третий — Моллакара, четвертый — Кара-баба.

Сын Моллакара — | Моллакарры, его сын — Моллаферим, его сын — Караджа | Хафиз. У Караджа Хафиза было два сына: имя одного — Мухаммедъяр, имя другого — | Моллаферим. Сын Мухаммедъяра — Нурали. У Нурали было два (сына): один — Ярвели, | другой — Мухаммедвели. У Ярвели 80 было четыре сына: один — Мухаммедъяр, другой — || Сафар-кылыдж, третий — Адынасахад, четвертый — Мухаммедберды. У Мухаммедвели было два сына: | один — Халым, другой — Бувдакызыл. Сын Бувдакызыла — Ораз. | У Ораза было три сына: один — Акмухаммед, другой — Аманмухам-мед, | третий — Мухаммедэмин. Сын Аманмухаммеда — Ораз. У Мухаммедэмина было два сына: | один — Адынагафар, 85 другой — Адынасатар. Сын Адынасахада — || Отуз. У Отуза было три сына: один — Мухамедъяр, другой ... 29, | третий — Адынасахад.

Изложение о Кара-баба. Сын Кара-баба — Шейх-Бехлиль, | [145] его сын — Караярсейид. У Караярсейида было три сына: один — | Джансейяд, другой — Нурсейид, третий — Бабыш 30. У Джансейида было два сына: | один — Ярсейид, другой — Ярмухаммед. Сын Ярмухаммеда — Халлымухаммед || 90 по прозвищу Халлы-Ковак. У Халлы-Ковака было пять (сыновей): один — Багмухаммед, другой — | Ярмухаммед по прозвищу Коджа [старик], третий — Джансейид, четвертый — Сахадмухаммед, пятый — Адынамухаммед | по прозвищу Карабай. У Багмухаммеда было два сына: один — Мухам, другой — Атанияз. | У Мухама было четверо сыновей: один — Джумабай, другой — Ишимбай, третий — Шихимбай, | четвертый — Адынабай. У Адынабая было два сына: один — Мухам, другой — Багмухаммед.

|| У Коджа было четверо сыновей: один — 95 Халлымухаммед, другой — Карахан, третий — Нурмухаммед | по прозвищу Нури-Черре [пучеглазый], четвертый — Акмухаммед. У Халлымухаммеда было два сына: один — Оразмухаммед, | другой — | Агамухаммед. У Оразмухаммеда было два сына: | один — Халлы-Ковак, другой — Хасан по прозвищу Ахунд. | У Нури-

Черре было три сына: один — Коджа, другой — Кель-бай 31, третий — Бармухаммед 32 по прозвищу Бар-Черре. | У Кельбая было два сына: один — Таджмухаммед, другой — Велимухаммед. Сын Бари (sic!)-Черре — Нур-Черре.

|| Сын Джансейида — Текемухаммед. У Текемухаммеда 100 было три сына: один — Мухаммедовез, другой — | Атамухаммед. третий — Мухаммедкурбан. Сын Атамухаммеда — Текемухаммед. | У Сахадмухаммеда было два сына: один — Халнефес, другой — Оразнефес. У Халнефеса | было два сына: один — Сахадмухаммед, другой — Назармухаммед.

У Карабая было пятеро сыновей: | один — Кутлымурад, другой — Султанмурад, третий — Адынамурад четвертый — Бердымурад, пятый — Мухаммедмурад. || Сын Кутлымурата — 105 Яхшимухаммед по прозвищу Керман. Сын Кермана — Кутлымурад. У Султанмурата | было два сына: один — Адынамурад, другой — Карабай. Сын Бердымурата — Аширмухаммед. | У Мухаммедмурата было два сына: один — Бердымухаммед, другой — Мухаммеднияз». Всего в первом списке 107 строк, если не считать утраченного начала.

Второй список сохранился целиком, но, к сожалению, фотоснимки оказались неудачными, а повторить их не удалось. Поэтому около двух десятков строк остались без перевода.

Списки не тождественны. Некоторые сведения одного документа отсутствуют в другом, а в одинаковых кусках текста имеются разночтения. Так, в первом списке названы Малик, сын Идриса (строка 16), и Асур, сын Басура (строка 23); во втором эти имена пропущены. Во втором списке (строки 63-64) сын Сулейман ата назван более пространно: [146] Суджуклук-Ибрахим-ата; в первом (строки 54-55) он только Суджуклук-ата. Во втором списке (строки 73-74) названные сыновья Отады-ата перечислены в другой последовательности, чем в первом (строки 69-71). Во втором списке (строки 75-76) названы три сына Чинмухаммед-ата; в первом этих данных нет. Количество подобных примеров можно увеличить, однако и так видно, что разночтения несущественны и большей частью объясняются ошибками или пропусками при переписке. В связи с этим ниже дается перевод только тех строк второго списка, которых нет в первом.

Второй список начинается словами: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!» Следующие строки (с 1-й по начало 13-й), написанные по-арабски, не переведены; примерно с половины 13-й строки следует фраза: «... Прибегаю к богу (за помощью) от шайтана, побиваемого камнями». Далее по строку 27 включительно идет текст, соответствующий 2-27-й строкам первого списка (впрочем, имя сына Кайдара написано неразборчиво), затем (строка 28) имена даны в следующей последовательности: «Басих, его сын — Мадавмалик, его сын — 'Аднан». С конца 28-й строки по строку 33 включительно идет арабский текст, излагаются сведения о племени курейш: имя Курейша носит все потомство Насрмалика, сына Кинана, потомка Хашима; из этого племени вышли халифы Абу Бекр, Омар и Осман, как и сам посланник божий Мухаммед.

Строки 34 и 35: «Сын 'Абдаллаха. Изложение об Аднане. Его сын — Ка'аб, его сын Баср, его сын — Наср, его сын — Ильяс, его | сын — Мадрак, его сын — Хазима, его сын — Кенана, его сын — Насрмалик, его потомки — (племя) курейш». Дальнейший текст по строку 39 включительно соответствует строкам 32 — 38 (со слов: «У Насрмулюка...» до слов: «...Мухаммед — мир ему!») первого списка.

Ниже, в пяти расположенных в ряд кружочках помещена генеалогия Мухаммеда и четырех «праведных» халифов. Затем вновь идет текст: строка 40 и часть 41-й: «и лучшие из людей после нашего пророка — Абу Бекр ас-Сиддык, затем 'Омар аль-Фарук, затем 'Осман Зиннурин, затем 'Али аль-Муртаза и их преемники; | по такому порядку также... от него самого». С середины строки 41 почти до конца 42-й следует текст, повторяющий строки 42-44 первого свитка (от слов: «Изложение об Абд аш-Шемсе...» до слов: «...да будет доволен им Аллах!»).

Со строки 43 идет текст по-персидски 33, которого нет в первом документе: «...Во введении книги (?) сказано, что у его преподобия Османа — да смилостивится над ним Аллах! — от ее преподобия Рукайи было девять сыновей: | 'Абдаллах Акбар, 'Абдаллах Асгар, 'Омар, Абан, Халид, [147] 'Амр, Сайид, Магбара и 'Абд аль-Малик, | а также шесть 45 дочерей: Марьям, Субад, 'Айша, Умм 'Омар, Умм Абан и Умм аль-банин. Так же (написано) в книге «Аль-Макбара» и | похоже — в книге «Аль-Казбад»: у его преподобия 'Османа было десять сыновей. Некоторые, умерли раньше него. Самого лучшего сына называли | 'Абдаллах Акбар — его матерью была Рукайя, — а

следующего сына называли 'Абдаллах Асгар. И шесть дочерей было (у Османа). А с этого времени [т. е. далее] (цитируется) «История» | Табари: (тот), кто отрицает потомков 'Османа — и он проклят; и (тот), кто лжет(?) о потомках 'Османа — и он лицемер в душе своей. Фирузшахи (пишет): | Дети Кульсум и Зейнаб — нет у них звания сайида, потому что они родились до пророчества, а Фатима и Рукайя родились после пророчества...»

Строки 50-53 написаны по-тюркски: « || Изложение о его 50 преподобии 'Османи. У него было девять сыновей, но по другому преданию — одиннадцать: | 'Абдаллах Акбар, 'Абдаллах Асгар, 'Омар, Ходжа Абан, Халид, 'Амр, Сайид, | Магбара, 'Абд аль-Малик, Атаба и Анаба. Их родная мать — Умм Рукайя, а мачеха — Умм Кульсум. Потомки Абу Бекра и 'Омара и 'Османа благородны, а что касается детей 'Али (они), кроме Хасана и Хусейна, не были (?) предпочтительными | в силу своего происхождения. Был такой порядок прекрасным; Аллах (делает) превосходными из || 55 своих рабов, кого захочет. Жемчужины фетв: Сказал пророк — мир ему! — что... Аллах не принимает раскаяния, кроме... Сказал пророк — мир ему! — кто ненавидит 'Османа... посланник Аллаха».

Дальнейший текст со строки 56 по начало 83-й соответствует строкам 44-80 первого списка (со слов: «Его сын — 'Абдаллах Акбар...» до слов: «...четвертый — Мухаммедберды»), если не считать того, что во втором списке (строки 75-76) перечислены сыновья Чинмухаммед-ата (Ходжа-'Осман-ата, Ибрахим-ата и 'Абысходжа-ата) и не назван (строка 82) второй сын — Нурали.

Текст, продолжающий 83-ю строку вплоть до середины 84-й строки, соответствует тексту первого списка на строках 86-88 (со слов: «Изложение о Кара-баба...» до: «...третий — Бабыш»). Дальше и до самого конца (т. е. строки 84-99) идет текст, отсутствующий в первом свитке:

«У Бабыша 34 было четыре || (сына): один — Ораз, 85 другой — Назар, третий — Хейранкара, четвертый — Сахад. У Сахада было пять сыновей: | один — Назар, другой — Бабыш 35, третий — Яхши, четвертый — Мухаммедкули, пятый — Айид-ата. У Бабыш-ата было три сына: | один — Пиркули, другой — Динмухаммед, третий — Мухаммедадына. Изложение о Яхши-ата. (Его) сын — Киджкелди. Изложение об [148] Айид-ата. (У него) было пять | сыновей: один — Сахад, другой — Овезмухаммед, третий — Аманмухаммед, четвертый — Акмухаммед, пятый — Атамухаммед.

Изложение о Кара-баба [втором]. | (Его) сын — | Карахейран. Изложение о Карахейране. У него было три сына. 90 Один — Адынадовлет, другой — Дурды-ших 36, — | третий — Вели-ата. Изложение об Адынадовлете. У Адынадовлета было два сына: один — Кара-баба [четвертый], другой — Кылыдж-ших. Изложение о Кара-баба [четвертом]. У Кара-баба было три сына: один — Довлет-ших, другой — Бахбуд-ата, третий — | Ораз-ата. У Довлет-шиха был один сын по имени Мухаммедбака. Его сын — Мухаммедсафа(р).

Изложение о Бахбуд-ата. | У Бахбуд-ата было пять сыновей: один — Амансахад, другой — Великули, третий — Курбансахад, четвертый — Кара баба [пятый] | , пятый — Мухаммедбазар. У Ораз-ата было два сына: один — Пехлеван-95 нияз, другой — Хасан-ата. Изложение об Амансахаде. || У Амансахада было два сына: один — Моллакаров, другой — Атамурад. У Великули было два сына: один | — Бахбуд-ших, другой — Иламан. У Курбансахада был один сын по имени Ниязмурад. У Кара-баба [пятого] было три | сына: один — Карлы, другой — Курбанкылыдж-молла, третий — Реджеб. У Мухаммедбазара (был) один сын по имени Аман-нияз.

| Изложение о Моллакарове. У Моллакарова было четыре сына: один — Эмирсахад, другой — Велисахад, третий — Нурсахад, | четвертый — Овезсахад». На этом второй список кончается.

Русское написание имен воспроизводит оригинал, но немного расходится с современным произношением: так, вместо Киджкелди туркмены говорят Гичгельды, вместо Мухаммедадына — Мяммеданна.. вместо Бахбуд-ата — Бяпид-ата_ и, конечно, вместо Кюзлюк ата — Гёзли ата.

* * *

Чем интересен публикуемый текст?

Прежде всего, он дает представление о документах, которыми овладели подтверждали свою «святость», и о любопытном жанре туркменских родословных легенд вообще.

Родословные легенды — разновидность исторических преданий. Интерес к своей истории у туркмен и огузов, к которым восходит генеалогическая традиция туркмен, не принял форму летописания (видимо, летописание возникает лишь при развитой государственной власти). Память о прошлом

хранили предания, повествующие о происхождении племен, их переселениях и войнах. Трудно сказать, когда туркменские исторические предания стали впервые записываться. До нас [149] дошло несколько записей сказании огузов и туркмен, сделанных средневековыми историками. Наиболее известны сочинения хивинского хана Абу-л-гази (XVII в.) «Родословная туркмен» и «Родословное древо тюрков» 37. Но списки исторических легенд (в форме родословных) были распространены и среди народа.

К сожалению, таких родословных, составленных неизвестно когда и кем, в руки исследователей попало немного. Пока можно указать лишь на три документа: 1) родословная туркмен-ёмудов, в вольном пересказе Н. Н. Иомудского 38, имеющая мало общего с компилятивной версией Абу-л-гази; 2) родословная туркмен-махтумов, переведенная Г. И. Карповым (перевод явно неполный, недословный, с ошибками и без четкого разграничения текста оригинала и авторских пояснений) 39; 3) исторические предания, приписанные к книге Абу-л-гази и продолжающие текст хивинского историка; этот документ, недавно приобретенный туркменскими этнографами, еще не опубликован и не переведен на русский язык 40. Родословная (седжре) атинцев — один из первых документов, знакомящих нас с тем своеобразным историческим источником, который представляет собой когда-то широко известные в народе записи родословных легенд.

Знакомство с двумя неодинаковыми списками родословной туркмен-ата показывает, в частности, что переписчики подобных документов не считали нужным в точности копировать оригинал. Так, составитель первой рукописи выбросил при переписке целые абзацы, написанные по-арабски и по-персидски (видимо, непонятные ему); составитель второй скопировал их с оригинала, но не стал переносить в свой экземпляр сведения о другой родственной ветви. Вообще переписчиков и владельцев подобных документов интересовала прежде всего своя собственная ветвь (поэтому можно даже проследить, в чьи руки из перечисленных в списке людей попадал фамильный свиток). Такое отношение к седжре проявил и Чары Нарчиев, житель г. Серахса (родился в 1913 г.). Несколько лет назад он переписал, вернее, законспектировал для себя в тетрадке родословную, взяв за основу первую половину второго списка и вторую половину первого, причем выбрал из последней части только сведения, касающиеся его собственных предков. Эту легкость, с которой изменялся текст рукописных

родословных, необходимо иметь в виду исследователям, использующим народные седжре как исторический источник.

Далее, мы видим, что письменным родословным известен Гёзли-ата, потомок халифа Османа. Значит, именно эту версию следует принимать во внимание при попытках подвергнуть анализу генеалогические предания атинцев. Рукописные седжре позволяют считать мнимым родство Гёзли-ата с [150] халифом. Во второй рукописи составитель подробно рассказывает, откуда он заимствовал данные об Османе и его сыновьях, т. е. подтверждает ссылками на источники приведенные им сведения, видимо не рассчитывая, что образованные современники поверят ему на слово. Таким образом, к доводу, на котором основано отрицание арабского происхождения атинцев (отсутствие в традиционной культуре каких-либо черт, сближающих ата с арабами), можно прибавить еще один: все сведения об Османе, по свидетельству самого составителя, взяты из литературы спустя несколько веков после смерти Османа.

Вместе с Османом должна быть исключена из исследования и легенда о Мерване. Некоторая часть текинцев и салыров, отрицающая «святость» атинцев, называет их пренебрежительно «мерван-ата». Такое отношение объясняется легендами о Мерване, будто бы предке атинцев, который нанес вред пророку Мухаммеду (будучи писарем пророка, вписал в Коран, что все должны Мервану подчиняться; подделал документ, по которому казнили невинного человека; способствовал гибели Хасана и Хусейна и т. п.). Эти легенды являются слабым отзвуком сообщений мусульманских историков о правлении халифа Османа, при котором большим влиянием пользовался Мерван, сын дяди халифа. Группа арабов, недовольная политикой Османа, потребовала у халифа, в частности, удалить из свиты Мервана. Халиф обещал это, бунтовщики отступили, но перехватили гонца с приказом халифа наместнику переловить участников мятежа и отрубить всем руки и ноги. Возмущенные мятежники вернулись назад. Им объяснили, что Осман ничего не знал об этой записке; ее составил без его ведома Мерван, приложивший печать халифа. Такое разъяснение не утихомирило противников халифа, и в конце концов Осман был убит 41. Таким образом, скептическое отношение к «святости» атинцев связано с событиями, некогда взволновавшими «мусульманский мир». Атинцы стали жертвой своей родословной. Видимо, охотнее всего слухи о «враге пророка» Мерване распространяли представители других групп овлядов 42.

Составление родословного документа, надо думать, прежде всего было вызвано потребностью атинцев «подтвердить» благородство своего происхождения, а не сохранить в памяти потомков имена предков. Такая потребность сильнее всего бывает тогда, когда генеалогическая традиция только еще начинает устанавливаться. Наверное, ко времени составления самого раннего варианта рукописи родство с Османом еще требовало доказательств. Отсюда наш интерес к вопросу: когда же были составлены рукописные седжре?

По сведениям владельцев, оба документа написаны в конце прошлого века, но неизвестно, скопированы ли они с [151] древних рукописей или нет. Датировать документы поможет внутренний анализ текста. Рассмотрим порядок перечисления поколений. Счет поколений лучше начинать с Гёзли-ата: хотя родословная и возводится к Осману, начало «племени» атинцев положил Гёзли-ата. Вот общая схема:

В обоих списках дается перечень потомков Моллакара (в первом — полнее). Воспроизведем общую схему одной ветви, не вдаваясь в детали. [152]

Сюда же можно добавить и 21-е поколение: сын Ораза, Чары по прозвищу Нарчи, родился в 1913 г.

Но большее внимание в родословных уделено потомкам Кара-баба. Вот одна из ветвей (по первому списку): 10. Кара-баба, 11. Шейх-Бехлиль, 12. Караярсейид, 13. Джансейид, 14. Ярмухаммед, 15. Халлымухаммед, 16. Ярмухаммед, 17. Нурмухаммед, 18. Кельбай, 19. Таджмухаммед.

В родословной подробно указаны и потомки других сыновей Халлымухаммеда, но дальше 19-го поколения от Гёзли-ата список не идет. Продолжим его сами: 20, Тувак, сын Таджмухаммеда (Тачмьяммеда, родился около 1900 г.), 21. Яры, сын Тувака (родился в 1930 г.), обладатель списка.

Во втором списке детально представлена линия потомков другого сына Караярсейида. Вот одна из ветвей: 12. Караярсейид, 13. Бабыш (Кара-баба второй), 14. Карахейран, 15. Адынадовлет, 16. Кара-баба (четвертый), 17. Бахбуд-ата; 18. Амансахад, 19. Моллакаров, 20. Эмирсахад. Добавим 21-е поколение: сын Эмирсахада, Аман (родился около 1900 г.), владелец списка.

Первый список сначала дает перечисление потомков Моллакара до 20-го поколения (т. е. до конца прошлого века), затем переходит к потомкам

правнука Кара-баба, Джансейида (13-е поколение). Здесь интересны сведения о сыновьях Халлымухаммеда (16-е поколение). Сначала перечисляются потомки первого сына, вплоть до его внуков и правнуков, затем воспроизводится линия потомков второго сына и т. д. Иначе говоря, перечисление поколений идет следующим образом: 16, 17, 18, 19; 16, 17, 18, 19; 16, 17, 18, 19; 16, 17, 18; 16, 17, 18, 19. Изложить сведения в таком порядке можно было только при жизни 19-го поколения, т. е. не раньше чем в последние десятилетия XIX в.

Во втором списке потомство Моллакара доведено до 17-го поколения. Затем следует ветвь, образованная потомками Кара-баба. Перечисляются сыновья Бабыша (13-е поколение), внуки от одного из них и правнуки; счет доведен до 16-го колена. Далее запечатлено потомство другого внука Бабыша. Названы его сыновья, внуки от старшего сына и правнуки от старшего внука (Довлетших, Бахбуд, Ораз), потом сын и внук Довлетшиха (18-е и 19-е поколения), сыновья Бахбуда и Ораза (18-е поколение) и внуки Бахбуда — сначала дети старшего сына, потом второго и т. д. Заканчивается список 20-м поколением — детьми внука Бахбуда от старшего сына.

Создается впечатление, что здесь, начиная с 16-17-го поколений, имена названы в таком порядке, в каком должны были бы приписываться к родословной с течением времени. Может быть, в основе второго документа лежит рукопись, составленная при жизни 16-17-го поколений, т. е. в конце [153] XVIII — начале XIX в. Но не исключено, что основной текст второго списка сложился позже. Так, во второй рукописи названы четыре сына Ярвели, но нет его младшего брата, Мухаммедвели (известного по первому списку). Значит ли это, что Мухаммедвели (16-е поколение) родился позже детей своего брата, а список был составлен до его появления на свет? Вряд ли. Скорее всего, переписчик, которого не интересовала ветвь, образованная потомками Моллакара, решил не воспроизводить ее во всех подробностях. Пресечение линии потомства Моллакара на 17-м поколении и потомков одного из внуков Бабыша на 16-м поколении не может служить достаточно убедительным признаком для датировки документа, бывшего оригиналом для второго списка.

Таким образом, обе родословные не только написаны, но и составлены недавно (первый описок — в последние десятилетия прошлого века, второй, очевидно, немного раньше). Но составлены они были на основе каких-то

старых рукописей. Ни один из двух списков не служит оригиналом для другого (об этом говорит характер расхождений), видимо, оба документа переписаны и с разных экземпляров родословной.

Два неодинаковых списка позволяют в какой-то степени восполнить отсутствие старых записей («подлинников») родословной. Сопоставляя реестр поколений, можно выяснить, какие сведения атинского седжре можно считать достоверными. Первый свиток насчитывает двадцать поколений по линии потомков Моллакара и девятнадцать поколений по линии потомков Кара-баба. Второй список перечисляет двадцать поколений по линии потомков Кара-баба, но иной ветви, чем в первом списке. Совпадение количества поколений разных генеалогических ветвей (разница в 1-2 поколения допустима) дает основание думать, что в рукописях названы реальные лица и в правильном порядке — начиная с того этапа, когда единый ствол родословной расчленяется на разные ветви. Этот этап приходится на 9-10-е поколения — Отлы Токум и его сыновья. Видимо, с этого времени владельцы седжре приписывали к родословной сведения о новых поколениях. Значит, при жизни 9-10-го поколений начальный вариант рукописной генеалогической легенды атинцев уже существовал. Как давно это было? «Шестнадцать поколений проходят за четыреста, самое большее, за четыреста пятьдесят лет» 43, — пишет Абу-л-гази, исходя из расчета, что новые поколения появляются в среднем через 25 лет. Двадцатое поколение от Гёзли-ата родилось в 1890-1900 гг., следовательно, 9-10-е поколения жили около 250 лет назад, и рукописное седжре атинцев уже ходило по (рукам к середине, а может быть, к началу XVII в.

Что касается первых восьми поколений, то достоверность их сомнительна. Гёзли-ата назван в документе современником [154] знаменитого суфия Ходжи Ахмеда Ясави, умершего в 1166-1167 гг. 44. Устные легенды добавляют, что Гёзли-ата был убит калмыками (монголами) 45. Если же сосчитать, за сколько столетий должны были смениться 20 поколений, то жизнь Гёзли-ата приходится на конец, самое раннее — на начало XIV в. 46. Разница слишком велика. Абу-л-гази это не удивило бы: «в запись вносили (только) того человека, который в иле приобретал известность, неизвестных людей не записывали» 47. Но на примере 10 последних поколений родословной атинцев мы могли убедиться в обратном. Явная неувязка внутренней хронологии родословной с исторической датой говорит о том, что записано седжре было, конечно, не при жизни Гёзли-ата (если верить,

что это реальное лицо) и не сразу после его смерти. Скорее всего, рукопись была впервые составлена в то время, с которого начинаются достоверные сведения (первая половина XVII в.). Перечень первых 8-9 поколений после Гёзли-ата был воспроизведен по устным преданиям, а период от Адама до Гёзли-ата — по литературным источникам. Видимо, сама родословная традиция атинцев оформилась близко ко времени составления первого варианта седжре, который и подкрепил нуждающуюся в обосновании генеалогическую схему «документом».

Наконец, рукописные родословные указывают на связь атинцев с суфийским орденом Ясавия. В тексте, в отличие от устных легенд, прямо не говорится, что Гёзли-ата был мюридом шейха Ходжи Ахмеда Ясави, однако сомневаться в этом не приходится: свое прозвище Гёзли-ата получил после разрешения каких-то затруднений в области «тариката» (араб. путь — суфийский термин, обозначающий учение того или иного шейха), причем с разрешения самого пира Хаджи Ахмеда Ясави. Только для того чтобы подчеркнуть связь с орденом Ясавия, упоминается в родословной и мнимый родственник Гёзли-ата — святой Хаким-ата, который именно в «тарикате» Ходжи Ахмеда Ясави «увидел мудрость». Родословная предельно лаконична, большая часть ее — лишь сухое перечисление имен, и введенные в текст фразы о близости двух лиц к шейху Ходже Ахмеду Ясави говорят о том значении, которое этой близости придавалось.

Изложенный ниже этнографический материал дает новые свидетельства связи туркмен-атинцев с орденом Ясавия.

* * *

Из рукописей родословной остается неясным, за что святой получил свое прозвище Гёзли (зд. Всевидящий). Устные легенды объясняют это. Один человек будто бы спросил: «Хасан, почему тебя зовут Гёзли?» — «Все лицо этого мира вижу, посмотрев на свой ноготь», — ответил святой. Легенды [155] рассказывают и о случае, когда будто бы проявились его чудесные способности. Среди атинцев распространен рассказ о состязании Ходжи Ахмеда Ясави с другим пиром (некоторые рассказчики называют имя: Ших-Шехер-Гянджи или Шихи-Гянджи). Оба пира не были в дружбе. Шихи-Гянджи подозревал Ясави в колдовстве. Чтобы утвердиться в своих догадках, он послал своего послушника (сопы) с какой-то вещью; Ясави должен был узнать, что принес гонец. По одному из вариантов, это была змея, спрятанная

в ящике. Ясави поручил мюриду Гёзли-ата разгадать секрет. Гёзли-ата вышел из дома, огляделся и сказал: «Все в мире на своем месте, только у одной змеи нет пары». Затем уже Ясави отправил враждебному пиру сосуд, в котором находились вместе вода, горящий уголь и кусок хлопка. Хлопок не воспламенился от огня, а огонь не погас от воды. Это окончательно убедило Шихи-Гянджи в том, что он имеет дело с колдуном. Он приказал своим мюридам пустить в Ходжу Ахмеда Ясави невидимую стрелу (батыл ок). Ясави, конечно узнав об этом, обратился к Гёзли-ата: «Мой всевидящий, посмотри (гозлим, гор)». Гёзли-ата доложил о приближающейся стреле. Тогда Ясави сказал другому мюриду по имени Сюзюк (от слова сузбек — процеживать): «Мой Сюзюк, процеди». И Сюзюк передвинул пира, сидящего на молитвенном коврике, в другое место. Туда, где только что сидел Ясави, вонзилась стрела. Пир сказал: «Если это стрела дружбы, с нее будет капать мед, если стрела вражды — кровь». Послушники увидели на стреле кровь, и Ясави повелел им отправить стрелу обратно. Ших-Шехер-Гянджи, понявший, что стрела возвращается к нему, приказал мюридам выйти на улицу, посмотреть, далеко ли она. Но его сопы ничего не увидели. Между тем стрела приближалась с ужасным шумом. «Мне нужен мой Гёзли, чтобы увидеть, и мой Сюзюк, чтобы отодвинуть», — сказал пир. Это были последние слова: стрела пробила его грудь. В одном из рассказов стрела выбила враждебному пиру глаз, но не поразила насмерть.

Эта необычная легенда сохранила еще одно свидетельство того, что атинцы причастны к миру легенд и персонажей, связанных с фигурой Ходжи Ахмеда Ясави. Святой Сюзюк-ата туркменским верованиям неизвестен, но его почитаемая могила (Сузук-ата) находится в окрестностях селения Сайрам (под Чимкентом), которое считается здесь родиной Ясави; среди сайрамских святынь выделяются могилы отца (Ибрайим-ата) и матери (Карасач-ана) знаменитого мистика. В рукописном рисале о Сайраме 48 Сузук-ата назван любимым внуком Ходжи Ахмеда Ясави.

Легенда о состязании пиров интересна и своими древними немусульманскими чертами. Почему ни тот, ни другой святой, зная об опасности, не могли сами сдвинуться с места? [156]

«Этим была бы нарушена воля бога»; «Пиру нельзя бежать от стрелы»; «Пир не должен покидать то место, где читает молитвы», — разъясняют старики атинцы.

Но такое объяснение странной неподвижности обоих суфиев не может нас удовлетворить. По верованиям мусульман, суфийскому святому совсем не надо вставать с места, чтобы остановить стрелу, ему достаточно прочесть молитву (заклинание). Тем не менее в атинской легенде пир, по сути дела, незащищен перед стрелой, и спасти его могут лишь усилия посторонних. Видимо, эта черта пира древнее суфизма. Мы уже могли убедиться в том, что некоторые среднеазиатские, легенды о суфийских святых восходят к мифам о божествах, воплощавшихся в живых людей (царей) 49. Похоже, что и в изложенной легенде запрет двигаться может быть объяснен из воззрений, строго, регламентировавших все поступки царей-жрецов или царей-богов. «Малейший жест царя считается способным непосредственно влиять на ту или иную стихию и серьезно возмущать ее... Малейшее нарушение с его стороны может нарушить все равновесие мира...» 50.

Когда-то японский микадо вынужден был сидеть часами на троне, застывший, подобно статуе: этим самым он сохранял мир и спокойствие в своей империи. Гвинейский царь-жрец не мог даже «покинуть свое сиденье, на котором он должен спать сидя: если бы он растянулся, то не было бы ветра и плавание по морю остановилось бы» 51. В преданиях о Ходже Ахмеде Ясави есть еще одна деталь, которую можно сопоставить с табу, ограничивавшими свободу обожествленных царей. Вторую половину своей жизни Ясави будто бы провел в подземной келье 52. Некоторые народы не позволяли покидать жилище своим царям-жрецам, ибо видели в них богов, которых «земля недостойна носить, а солнце недостойно освещать» 53. Кое-где в Африке царю разрешалось выходить из дома лишь ночью 54.

Добровольное пребывание Ясави и некоторых его последователей (например, ишана-таджика в селении Урангай Туркестанского р-на) в подземелье объяснялось подражанием Мухаммеду: пророк в 63 года умер, следовательно, прекратил жизнь на поверхности земли. Однако это мусульманское толкование не объясняет, почему в узбекских селениях, в частности и в Чимкентской области, устраивались подземные помещения чилла-хана для молений в течение 40 суток (чилла утириш). Так, подземные чилла-хана были при мечети Хызра и при могиле Сузук-ата в Сайраме. А один

сайрамский ахун 40 суток провел в молитвах в мавзолее святого Белагардана. Моления, во время которых не полагалось общаться с людьми и без крайней нужды выходить из помещения, совершались как ради спасения души, так и ради общества (например, с целью вызвать дождь). Этот обычай [157] порожден верой в ритуальную пользу уединенного затворничества в подземных кельях. О древних табу заставляют вспомнить и некоторые другие поверья узбеков Чимкентской области: так, мулла, отчитывавший сумасшедшего в течение нескольких суток, должен был спать не более 2-3 часов, причем сидя (записано в селении Урангай).

Вернемся к атинской легенде. Шейх Ганджи не без основания подозревает Ясави в колдовстве, но сам не лучше соперника — он первый посылает гибельную заколдованную стрелу. Каким бы ни было происхождение сюжета легенды, оба святых пира выступают в ней в роли соперничающих колдунов. Рассказ о своеобразной дуэли знаменитых суфиев весьма далек от идеологии суфизма.

О крайнем вырождении суфизма говорит судьба дервишского радения (зикр) в среде туркмен-ата. У атинцев зякир (зыкыр, зикир или джахер) 55 сохранялся как народный обычай, связь которого с суфизмом в сознании самих атинцев практически утрачена. Вот как объясняет, что такое зякир, лингвист С. Аразкулиев, исходящий в своем определении из показаний информаторов: «Джахер — (это обряд, который) совершается при участии нескольких людей. На джахер приводят больных, припадочных и т. п. (В качестве зрителей) присутствуют женщины и дети. 8-10 человек становятся кольцом, крепко держа друг друга под руки, вокруг сидящего шиха и, чтобы возбудить его, в один голос протяжно выкрикивают: О:-оо-о: о:...» 56. Это определение нельзя признать исчерпывающим и достаточно ясным, однако оно показательным тем, что здесь нет ни слова о суфизме.

Рассказы моих информаторов описывают зякир следующим образом. Это — обряд, совершавшийся преимущественно для исцеления людей, которым навредили джинны (сумасшедших и т. п.), в случаях, когда молитвы муллы оказывались тщетными. Как массовое явление зякир исчез в 20-30-х годах XX в. На время обряда с юрты снимали кошмы, чтобы толпа любопытных могла видеть, что происходит внутри. Иногда как будто сцепляли решетками две юрты, лишённые дверей. Действо могло начаться и утром и вечером. Бывали случаи, когда зякир длился несколько суток, а в селении Тутлы я слышал о

зякире, продолжавшемся с перерывами около месяца. Необходимые участники ритуала: впадающий в транс ших; чтец духовных стихов (газалчы, газал айдйэн или хапыз) и люди, проводящие зякир (зэкир чекйэн). Некоторые информаторы говорят, что у зякира должен быть начальник (зэкирин башы) — представитель высшего духовенства, ахун или ишан. Он напоминает о целях обряда, благословляет главного исполнителя ритуала — шиха («Пусть тебе помогут Аллах, пророки, святые») и предлагает поднять руки для молитвенного движения: «Благословение дам (Пата [158] берейин)». Начинается зякир. Чтец нараспев громко читает по памяти стихи суфийских поэтов Дивана-и Машраба (Мешреб-дивана), Хаким-ата, Дурды-шиха 57; кое-кто из стариков называет и Навои. Видное место занимают и стихи Ходжи Ахмеда Ясави 58. В обряде музыкального сопровождения нет. Чтецов, участвовавших в действе, могло быть несколько, но читал только один; когда он уставал, его сменял другой. От чтения религиозных стихов приходит в возбужденное состояние ших — центральная фигура обряда. Этому способствуют и выкрики людей, проводящих зякир. В нужных местах в перерывах между куплетами они хриплыми голосами ритмично выкрикивают «О-О!» и раскачиваются. Их голоса то усиливаются, то стихают; ими руководит хапыз.

Ших выходит из себя (озуни йитирйэр). Он совершает телодвижения, которые по-туркменски передаются словом падать (йыкылмак). Видимо, он постоянно падает и встает 59. В своей странной пляске ших бьется головой о решетки юрты.

Один из моих информаторов видел сам, как тучный ших ловко выбирался по шесту купола через дымоход на верх кибитки, причем шест даже не прогибался. Другой старик в 1920 г. видел в Теджене во время зякира знаменитого шиха из Кизыл-Арвата по прозвищу Кебелек (Бабочка). Вскоре после того, как хапыз запел стихи Дивана-и Машраба, ших упал без сознания. Затем под пение стихов и утробные выкрики участников зякира он вскочил и стал внутри кибитки бегать, «как муха», по решеткам. Халат его развеивался, и движение воздуха чувствовали даже те, кто стоял вне юрты. Люди говорили: если ших, упав без сознания, не поднимется под пение религиозных стихов, муллы должны читать над ним суру Корана «Ясин».

Во время зякира ших не оставлял без внимания и больного. Ших бил пациента по лицу, по спине, швырял его на решетки юрты. Этим он, по

мнению одних стариков, пугал больного, а по мнению других — прогонял духов, наславших болезнь. Впрочем, в некоторых рассказах ших даже не прикасался к больному. Так, у могилы Гёзли-ата, куда несколько стариков из аула Ата Серахского района однажды поехали на поклонение, паломники-ёмуды будто бы попросили атинцев излечить бесноватую, лежавшую тут же, связанную по рукам и ногам. Среди атинцев были и ших, и хапыз. Хапыз начал петь, и ших скоро стал в исступлении хватать руками горящие угли. Над девушкой кружили три бабочки. Ших растер ладонями горящие угли, и одна бабочка упала мертвой. Ших растер угли еще раз — и на землю упала вторая бабочка. Ших снова сдавил угли ладонями — и третья бабочка неподвижно легла у его ног. Девушка сразу выздоровела (записано в Тедженском р-не). Считается, что ших видел джинов [159] больного, боролся с ними, призывая на помощь святых, наконец, побеждал и прогонял их навсегда.

По рассказам, впавший в экстаз ших терял чувствительность. Он мог упасть с купола кибитки на землю, броситься в огонь, разведенный на улице для приготовления пищи, облить себя кипятком из самовара, но оставался невредимым. Вообще он уже не был обычным человеком. Отмеченный в родословной Одамыш приобрел свое прозвище Отлы Токум (Огненное зерно) тем, что изо рта его при зякире сыпались искры, опаляющие волосы участникам обряда (рассказ владельца первого списка). Во время зякира ших будто бы мог предсказывать будущее. Если кто-то спрашивал, например, будут ли у него дети, ших якобы давал правильный ответ. Он узнавал, какие подарки ему принесли. Так, один туркмен из Мары был в гостях у тедженского атинца. В это время проводился зякир с участием Баллы-Молла-шиха. Гость сказал: «Я не верю в силу шиха, хочу его испытать. Обещаю отдать ему такое-то количество чая. Узнает ли?» Баллы-Молла, увидев туркмена, сказал ему: «Скорее принеси обещанный чай!» Как участники зякира, так и зрители должны быть чистыми — совершить ритуальное омовение. Если кто-то не выполнял этого условия, ших будто бы узнавал и прогонял. «Неужели у тебя не найдется одного кувшина воды?» — укорял ших однажды кого-то из зрителей.

Если чтецом может быть каждый грамотный человек, то шиху его необычные свойства даются свыше. Эти свойства обозначаются обычно тем же словом, что и «сила» святого, — керамат. Однако большинство верующих, признавая, что среди шихов в старину были святые, не ставит шиха на уровень со святым. Можно услышать рассуждения, что шиху его способности дает

Аллах, что ших должен «вручить руку пиру», быть «чистым» в религиозном отношении и крепко придерживаться старых традиций, обобщенно называемых туркменчилик. Но самое распространенное объяснение наделяет шиха духами-помощниками, «товарищами» (ёлдаш). Некоторые верующие не считают себя вправе определить, что за дух помогает шиху: «Кто может знать, это пери, дэв или (покойный) святой?». Ших сам не рассказывает о своих «товарищах», иначе, по поверью, он потеряет силу или они убьют его. Ших даже не говорит: «У меня есть товарищи». Тем не менее обычно духов — помощников шиха называют «джинн», «арвах» (это одно и то же) или «ал» (последнее отразилось в словосочетании ал-ёлдаш). Некоторые атинцы думают, что у шиха только один джинн или ал (четкого различия между этими духами не проводится) в виде верблюда, быка, тигра, змеи, собаки и т. п. Но это не общее убеждение: один из информаторов, например, представлял себе духа девушкой, которую будущий ших встречал где-нибудь в степи; ших должен [160] вырвать у нее волос, положить в хлеб и всегда носить с собой 60.

Духи (или дух) шиха сообщают ему о будущем, они же помогают ему прогнать джиннов больного, вступая с ними в борьбу. Духи, причиняющие болезни, вредящие людям, — «неверные» (капыр) джинны. Джинны шиха — мусульмане. Исцеление пациента возможно лишь в том случае, если «товарищи» шиха окажутся более могущественными, чем джинны, причинившие болезнь. Если ших решится на единоборство с духами, превосходящими силой его помощников, то ему может быть причинен вред, он станет сумасшедшим или умрет (впрочем, никто из моих информаторов не слышал, чтобы ших умер или потерял силу после зякира). Если предполагается, что джинны больного сильнее, в зякире могут участвовать несколько шихов — один сменяет другого.

Таким образом, ших имеет много общего с шаманом. Он впадает в экстаз, ему помогают духи, представляющиеся в животном облике, да и ритуальная практика его, как уже заметил С. М. Демидов 61, повторяет действия шамана во время камлания. Туркменские шаманы также прогоняли зрителей, не совершивших омовения, выступали как прорицатели и якобы угадывали, что им принес в подарок тот или иной человек. Такое сходство не могло не отразиться на народных воззрениях. Хотя среди атинцев шаманов нет, туркмены — текинцы, ёмуды и салыры, как правило, считают, что шаманы выходят в основном из племени ата.

С шаманом шиха сближает и психическое заболевание (или сумасшествие), будто бы появлявшееся тогда, когда к нему «присоединились» (ёлукды) джинны. Приступы психического расстройства продолжались и тогда, когда связь с духами была уже прочно установлена. Время от времени ших ощущал упадок сил. Он лежал дома, зябко кутался в одеяла и не желал ни есть, ни пить. Такое недомогание атинцы называли пайыз-кесел (пайыз минута, момент; кесел болезнь) или шых-кесел. Чтобы вылечить шиха, надо устроить зякир. Под пение духовных стихов и утробные звуки исполнителей зякира ших оживлялся, вскоре впадал в экстаз, брал в руки или в рот раскаленные угли, ходил по углям босыми ногами — короче, проделывал все то, что обычно исполнял в обряде. После зякира ших чувствовал себя здоровым.

Таким образом, для шиха было потребностью время от времени участвовать в зякире, и иногда обряд совершали только для того, чтобы ших отвел душу. Один текинец из Тедженского района рассказывал мне, что он работал вместе с атинцем. Иногда даже во время полевых работ этот атинец впадал в транс и начинал раскачиваться, издавая хриплые звуки. Особую возбудимость шихов отмечают даже старики, не разделяющие веру в духов-«товарищей». Человек, который мог стать шихом, обнаруживался на празднествах при [161] исполнении песен на слова Навои в сопровождении дутара: он не сидел спокойно. Его можно было распознать и в те минуты, когда перед третьим намазом в мечети 2-3 грамотных старика читали религиозные стихи, и, конечно, во время зякира. Из рассказов информаторов не следует, что способности шиха передавались по наследству. Впрочем, Ходжамурад, отец шиха Алламурад-хапыза, тоже был шихом (записано в селении Тутлы).

Иногда шихи будто бы состязались, проверяя, кто сильнее. Джинны шихов начинали драться друг с другом. Тот ших, чей джинн потерпит поражение, должен подчиняться другому (записано в селении Тутлы).

В роли шиха прежде выступали и женщины. Старики помнят женщину шиха по имени Тётёви, умершую в 1937 г. Было время, когда она «падала» под пение стихов. Однажды (в 1916 г.) она пришла в очень сильное возбуждение, побежала из юрты, и духовные лица, присутствовавшие на зякире, оказали ей: «Сиди, пой стихи, но не падай — неудобно для женщины, когда обнажается тело» (записано в селении Тутлы). Так как женщины совместно с

мужчинами в дервишском радении не участвовали, этот случай следует объяснять в свете традиций женского шаманства, известного в Средней Азии.

Яркие шаманские черты выродившегося атинского зякира дополняют новым штрихом неясную пока картину простонародного среднеазиатского суфизма, свидетельствуя о сильном влиянии на местный суфизм шаманства. Слово «ших» (от араб. шейх — старец, руководитель суфийской общины), закрепившееся за беснующимся исцелителем больного, подтверждает мысль С. П. Толстова о том, что у туркмен в ряде случаев «роль шамана... исполняет ишан» 62. Следы связи атинского зякира с зикром суфизма почти стерлись. Так, далеко не все атинцы считают, что «начальником зякира» должен быть ишан или ахун. Кое-кто думает, что обрядом руководит чтец-хапыз или сам ших, не нуждающиеся в благословении высшего духовенства. Возникновение обычая устраивать зякир возводится к пророку Закарийе. Некогда пророк бежал от «неверных» и спрятался в дереве, которое по его приказу расщепилось, а затем закрылось. Но веревочка от рубашки торчала наружу, и сорока, с криком дергавшая за тесьму, обратила на нее внимание преследователей. «Неверные» отсекали вершину, стали распиливать дерево вдоль, и зубья пилы врезались в голову пророка. Участники радения, издавая утробные звуки «о-о», подражают стонам Закарийи и тем самым оплакивают его 63. Эта легенда, видимо приобретшая связь с радением из-за сходства имени пророка со словом «зикр», показывает, что суфийское толкование зикра исчезло из народных представлений. Лишь однажды автору пришлось услышать, что Ходжа Ахмед Ясави несколько видоизменил [162] оставшийся от Закарийи обычай. Многие старики объясняют своеобразие атинских традиций тем, что «племени» ата дано от бога иметь в своей среде шихов (аталара худаидан берилен пай).

Любопытна дальнейшая судьба зякира. Занесенный атинцами на юго-запад Туркмении, он к концу XIX в. стал уже исполняться и туркменами-ёмудами, но как светский молодежный танец; в послевоенные годы этот танец стал продвигаться на восток и сейчас уже известен и в Ахале 64. В наши дни танец обычно сопровождается частушками, далекими от религиозной тематики; но население помнит еще и духовные стихи, которые выкрикивались танцорами. Сопоставление отдельных записанных этнографами куплетов 65 со стихами ферганского мистика Дивана-и Машраба 66 не оставит сомнений в том, что танцем стало выродившееся суфийское радение.

* * *

Итак, этнографический материал дополняет скудные данные рукописных родословных о связи туркменского «племени» ата с суфийским орденом Ясавия. Устные легенды изображают Гёзли-ата любимым мюридом основателя этой организации. Обычай устраивать зякир или джахер восходит к суфийскому радению в громкой форме (джахр), принятому среди последователей Ходжи Ахмеда Ясави. Любопытно, что зякир известен и другим группам туркмен, в частности в Западной Туркмении, но исполнять его (речь идет о «лечебном» обряде) могли только атинцы и в некоторых случаях махтумы — другая группа овлядов, тоже генетически связанная с суфизмом. Отзвуком суфийских традиций в среде атинцев является и фигура поэта Дурды-шиха, который в преданиях рисуется как мистик, бегущий «от мира».

Сейчас невозможно установить, был ли Гёзли-ата реальным историческим лицом или это собирательный легендарный персонаж, объединивший в себе несколько поколений шейхов (ишанов) ордена Ясавия. Теоретически вполне возможно, что потомки какого-то шейха этого суфийского ордена за 20 с лишним поколений расплодились настолько, что образовали многолюдное «племя». Но вряд ли нам стоит послушно следовать традиционной генеалогии. Особым «племенем» могла со временем стать и целая община туркмен-мюридов шейха.

Впоследствии, с упадком суфизма, причина единства суфийской общины, отделившейся от остального населения целым рядом своеобразных обычаев, стала объясняться в духе древних туркменских традиций: суфийская община стала рассматриваться как потомство шейха Гёзли-ата, получившего посвящение от Ходжи Ахмеда Ясави. Насколько [163] правдоподобно такое толкование? Сам текст рукописей родословной содержит пример вторжения родственного принципа в сферу религиозных связей. Гёзли-ата в рукописных седжере представлен двоюродным братом знаменитого суфийского поэта Хаким-ата, тоже будто бы потомка Османа. Но в печатных мусульманских изданиях легендарного жития Хаким-ата 67 нет ни слова о его предке, халифе Османе, хотя, с точки зрения издателей легенды, было бы неразумно пренебречь такой украшающей святого деталью. Думается, что родственником Гёзли-ата и потомком Османа Хаким-ата впервые стал в атинском седжере (в котором сведения о Хаким-ата

отличаются от печатного варианта легенды и количеством сыновей). Откуда же мысль о родстве? И Хаким-ата, и Гёзли-ата — мюриды Ходжи Ахмеда Ясави. С варваризацией суфизма духовное родство осмыслилось как физическое. В условиях господства традиций, придававших огромное значение знатному родству и благородству происхождения, закономерно было включение в генеалогию и Османа. Таким образом, указания родословных легенд и зякир, ставший племенным обычаем атинцев, позволяют предположить, что в основе племени ата лежит объединение, вызванное к жизни организационными потребностями религиозной идеологии. Видимо, ядро племени ата составили туркмены, выделившиеся в общину последователей одного из суфийских шейхов ордена Ясавия. Кстати, почему об атинцах ни слова не говорит Абу-л-гази? При его прекрасной осведомленности о том, что происходило в районе Балхан, не может быть, чтобы он ничего не знал о них. Скорее, он их не упомянул потому, что хорошо знал их родословную и не считал атинцев, вместе с прочими группами овлядов, племенем.

Когда произошло формирование атинцев как «племени»? Родословная составлена примерно в первой половине XVI в. Повторим, что появление ее было вызвано скорее всего потребностью утвердить неизвестную прежде генеалогическую традицию. Следовательно, особым племенем в представлении своем и соседей атинцы стали близко к этому времени. В каких местах родилось это новое племя? Могилы Гёзли-ата, его жены и сына Омар-ата находятся на Балханах. Конечно, могилы эти могли появиться и в любом месте, где в них нуждались почитатели, но они говорят об устойчивой народной традиции считать Балханы прародиной атинцев. Топонимия в окрестностях Балхан удержала и другие имена, известные письменной родословной: Моллакара: (озеро, ныне курорт), Чинмамед (пески Чильмамедкум). Это обстоятельство заслуживает внимания.

В XIV-XV вв. «продолжалось переселение туркменских племен из Мавераннахра на Мангышлак и Усть-Урт» 68, частично связанное со временным обводнением Узбоя, и [164] появление здесь ишанов ордена Ясавия объяснимо. Общий экономический, политический и культурный упадок Туркменистана в период с XVI до середины XVIII в. 69 объясняет, когда и почему происходило то вырождение суфизма, которое дало туркменам новое «племя». Присутствие в седжре популярных хорезмских святых Хаким-ата и его сына Хубби-ходжи тоже говорит о том, что

родословная атинцев составлялась в районах культурного влияния Хорезма. Отцом девушки Аксиль-мама некоторые версии устной легенды называют хана Джаныбека, но чаще — Бугра-хана, известного персонажа хорезмских исторических преданий (в книжном житии Хаким-аты Бугра-хан выступает как тесть святого).

Пока неясно, из какого племени (племен) были туркмены, составившие этническую основу группы атинцев. В легендах на это нет никаких указаний — может быть, в связи с тем, что новая группа — суфийская община — была организована по принципу, игнорировавшему родо-племенные связи. Лишь тщательное изучение традиционной культуры атинцев позволит установить, к какому туркменскому племени они ближе всего. Этот путь наиболее перспективен, ибо в обычаях атинцев есть некоторое своеобразие, не имеющее отношения к суфизму. Так, один из ритуалов вызывания дождя носит у атинцев (как и у ходжей, проживающих в селениях Ходжа-кала и Джанахир Кизыл-Арватокского района) название туй-татын, в отличие от ёмудского наименования сюйт газан и гёкленского сюйт хатын.

Название племени «ата» скорее всего восходит к слову отец (ата), прилагавшему в Средней Азии к именам многих святых. Оно было в ходу среди последователей Ясави почти как титул: так назывались, например, святые «отцы-мистики» 70. Одна из старых улиц г. Туркестана носила наименование Етти-ата-кочеси (Улица семи ата) из-за погребенных там каких-то семи святых. Употреблявшееся, видимо, и в обращении к потомкам святых слово «ата» в туркменской среде стало названием целого племени. Это характерно для туркмен: почетное звание предков закреплялось за потомками (например, «роды» бег и векиль у текинцев, юзбаши и дабаши у мурчали и т. д.). Да и то, что суфийская община превратилась в племя, тоже закономерно в условиях Туркмении. При господстве родо-племенных традиций племенами здесь становились и социальные прослойки (например, бывшие рабы стали группой гара-йылгынлы среди ёмудов и тазе-гонград среди човдуров), и территориальные объединения. Еще Абу-л-гази писал об образовании племен хызр-или и алили из разнородного смешанного населения. «Даже старое население многих южнотуркменских городов, давно уже утратившее родо-племенную организацию, стало рассматриваться как особые «племена». Таково, например, происхождение племен [165] анаули (жители Анау), мехинли (жители Мехина), мурчали (жители Мурча) и т. д.» 71.

Изложенный в статье материал дает новый и яркий пример переплетения среднеазиатского суфизма с местным шаманством, причем в такой форме, которая опять-таки позволяет говорить о вырождении суфизма. Само по себе насыщение суфийской ритуальной практики или мифологии элементами шаманства является итогом приспособления религиозного течения к конкретной этнической среде и еще не говорит об упадке. Однако то, что мы видим у атинцев, свидетельствует именно о вырождении суфизма: в атинском зякире от суфизма остались лишь некоторые внешние формы, а по существу возобладало шаманство, корнящееся в древних народных традициях.

Значение изложенных сведений не ограничивается показом этнографической специфики одной из групп туркменского народа.

Варваризация суфизма, которую мы видим в традициях атинцев, служит лишь частным примером общей закономерности. В течение нескольких столетий суфизм неуклонно приближался к своему закату, если под этим понимать разложение былых идеологических устоев и организационной структуры. У других народов «мусульманского мира» суфизм также принял вульгарные формы, которым свойственны и отдельные черты, отмеченные у туркмен-ата. Так, в Турции известны мелкие этнические группки, видимо обязанные своей обособленностью суфизму ⁷². В ряде мест дервишский зикр к XIX в. потерял обязательную связь с принадлежностью к суфийскому братству и превратился в народный обычай. В Чечено-Ингушетии, например, зякир стал элементом религиозного празднества, жертвоприношения или поминок; даже во время езды в автобусе дальним маршрутом набожные старики распевают куплеты зякира. В отдельных районах Азербайджана зикр вошел в состав похоронного ритуала ⁷³. А у узбеков Хорезма (г. Хива, поселок Ханки) во время свадеб, в день улы-тоя, перед выездом невесты из родительского дома, женщины становятся в круг, в центре которого сидят бии-хальфа (чтицы священных текстов) и воспроизводят джахр, принятый в местных суфийских общинах ⁷⁴.

Сильное влияние шаманства на суфизм уже не раз отмечалось на среднеазиатском материале. Почти повсеместно те или иные суфийские термины употребляются в новых значениях. Так, словом «сопы» (суфий) узбеки, в частности, в Чимкентской области, в Ферганской долине, называют муэдзина (азанчи). Наконец, даже воздействие отдельных суфийских традиций на народные танцы отмечено не только у туркмен: в

азербайджанском хороводном сельском танце ведущий называется, как и руководитель суфийской общины, мюршюд 75.

Обобщение разнообразных данных о конкретных проявлениях суфизма в жизни различных «мусульманских народов» позволит лучше понять, какими путями происходил упадок этого сложного религиозного течения.

(пер. В. Н. Басилова)

Текст воспроизведен по изданию: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М. Наука. 1975

К ИСТОРИИ ТУРКМЕН АЛИ-ЭЛИ (АЛА-ЭЛЬ)

В Каахкинском районе Туркменской ССР, в девяти аулах проживают потомки одного из древних туркменских племен, носившего название али-эли.

Публикуемые в настоящей заметке сведения по истории и этнографии али-эли могут послужить материалом для исследования этногенеза как этого племени, так и всего туркменского народа.

а) Устные народные предания о происхождении али-эли

Хал-Непес Юзбаши и Хал-Назар Атаев, жители аула Юз-баши, и Кыз-Биби из аула Он-беги, сообщили нам следующие предания 1 об истории своего племени.

Задолго до прихода в Среднюю Азию Чингис-хана в крепости Ходжам-кала, находящейся на территории теперешнего Кары-Калинского района, жили со своими людьми несколько братьев; они часто ссорились между собой.

Однажды пришел к ним Кары-Алов-пир и сказал: «Все вы сыновья одного отца, но согласия нет между вами, а есть разногласие — «ала» (пестрота), поэтому с нынешнего дня вы будете кочевать; остановки во время ваших кочевек будут продолжаться не больше семи дней. Вас будут грабить, но ваших людей брать в плен не будут». Отсюда и утвердилось название за нашим племенем «ала-эль» (пестрый народ). Хотя наше племя и называют теперь али-или, но это неверно, мы никогда не были народом (элем) пророка Алия, и имя его среди нашего народа не в таком большом почете, как у персов-шиитов.

Когда наши предки узнали о приходе монголов, они ушли в Иран и поселились около крепости Дарагез 2, где прожили много лет. Хивинский хан Мадамин 3 пришел в Дарагез и насильственным путем переселил ала-элинцев в Хиву; но незадолго до прихода русских войск в Хиву ала-элинцы откочевали обратно в Иран, в тот же район Дарагеза; в Хиве остались 60 домов из рода Юз-баши.

Дарагезский правитель Аллаяр-хан 4, невзирая на то, что наш народ разорился за время переселения из Хивы, стал требовать от ала-эли большие налоги. Но когда сборщик, джигит Аллаяра, прибыл собирать «дженнек» 5, то один ала-элинец, который не в состоянии был платить дженнек, ранил джигита в ногу, сказав: «Убирайся от нас, подати платить мы не будем». После такого случая с джигитом наши люди перепугались и, боясь тяжелых последствий, сели кто на лошадей, кто на быков или на осликов и откочевали в соседний Тедженский район, в места, подчиненные келатскому губернатору — иранцу, который освободил ала-элинцев от уплаты податей сроком на три года. Из Теджена наши старики отправили послов к хивинскому хану Сеид-Мохаммеду 6 с просьбой о помощи. Хан прислал 60 конников, с которыми ала-элинцами было заключено соглашение о переселении наших людей в Хиву с уплатой им за хлопоты восьми тысяч «тилля» 7. Прибывших в Хиву поселили в местности Кызыл-Такыр-апач, а те 60 домохозяев ала-элинцев, которые раньше остались в [146] Хиве, были поселены хивинским ханом на правом берегу Аму-дарьи, в районе Турткуля 8.

После прихода русских в Хиву и наложения генералом Кауфманом большой контрибуции на хивинских туркмен наши старики, посоветовавшись между собой, решили уйти обратно в Иран. Возле Теджена, в местности Арвах-Ямпуки переселенцев встретили 15 человек текинцев, которые пригласили к себе наших старейшин для переговоров. Пока шли переговоры, появились еще несколько вооруженных текинцев, из рода Даш-аяк, во главе с Овез-Кули, сардаром безмеинским; они окружили переселенцев и предложили им сдать оружие и всех верблюдов, а самим следовать дальше, искать себе места для жительства. Передав Овез-Кули-сардару имевшееся оружие и 850 верблюдов, ала-элинцы пошли на свои старинные места в Тезе-Бавард и Бабаджик; дети, старики и старухи были ими брошены в песках, не на чем их было везти. Несколько дней спустя, по просьбе ала-элинцев, дарагезский

губернатор оказал им помощь, и люди, оставшиеся в песках, были перевезены в Тезе-Бавард и Бабаджик 9.

Наше население не принимало участия в борьбе русских войск с текинцами (1881), поэтому, когда русские пришли к нам в район Атека, ала-элинцы приняли подданство русского царя и вышли из-под власти дарагезского и келатского губернаторов — иранцев. Но когда наши люди стали подданными России, начальник Закаспийской области генерал Комаров утвердил над нашими людьми в качестве старшины и хана Овез-Кули-сардара, того самого, который, как мы упоминали уже, отнял у нас оружие и верблюдов. По туркменскому обычаю, вновь назначенный управитель устраивает для населения «ходай-ёлы» — жертвенное угощение: режет несколько баранов, варит шурпу (мясной суп), посылает джарчи (глашатая) для приглашения людей на «той» — празднество. Так поступил и Овез-Кули-сардар; но никто из ала-элинцев не пошел к нему на праздничный обед. Люди говорили: «Все богатство Овез-Кули-сардара состоит из награбленного, из слез наших сирот, поэтому оно «харам» — поганое; но после того как наши люди, по обычаю, трижды ограбят Овез-Кули-сардара, все его имущество очистится от «харам», и мы, конечно, пойдем к Овез-Кули-сардару на обед, его пища для нас будет дозволенной». Овез-Кули-сардар, узнав или просто догадываясь о причине отсутствия на обедах у него ала-элинцев, разрешил им трижды ограбить себя, вторично устроил «ходай-ёлы» и вторично пригласил наших людей; они пошли, примирились таким путем с Овез-Кули-сардаром и не протестовали против назначения его управителем вновь образованного Каахкинского района...

Ала-элинцы считают себя близкими родственниками племени «карадашлы» (бывшие языри) и называют людей этого племени «карындаш».

Второе предание, записанное аспирантом Нурли-Дурды Мурадовым в 1946 г. со слов старика Нури-Кара-оглы, ала-элинца из рода Юз-баши, колена Каркын 10, гласит:

Нашими близкими родственниками, с давних времен, считается народ туркменского племени карадашлы. Предок карадашлы дал свою руку святому Языру и стал его последователем — суфи; предком ала-элинцев был Юлдуз-хан, сын Огуз-хана, он дал свою руку святому Кары-Алов-пиру и стал его последователем. Кары-Алов-пир выдал Юлдуз-хану петтен (грамоту, разрешение), в котором было указано, что ала-элинцы могут брать себе в

жены и из других племен, но своих дочерей не должны отдавать замуж в другие племена; ала-элинцы до сих пор так и поступают. В петтене было также записано, что ала-элинцы долго жить на одном месте не будут, а через каждые семь лет 12 они должны переселяться; это второе предписание, добавляет рассказчик Нури-Кара-оглы, наши ала-элинцы тоже строго выполняли в прошлом и выполняют его до сих пор; правда, за последние годы в далекие места мы не уходим, но внутри своего аула или в соседний аул мы переселяемся через каждые семь лет; но если и такого рода переселение по каким-либо причинам не удастся, то мы прорубаем новый ход в нашем доме, а старую дверь забиваем наглухо или превращаем ее в окно; это тоже считается у нас переселением.

Приведенным ограничиваются предания ала-элинцев о происхождении своего племени; правда, существует в народе еще версия, говорящая о том, что ала-элинцы ведут свое начало от дяди пророка Мухаммеда — Ашир-Хамзы; но чем больше существует версий о происхождении одного и того же рода или племени, тем [147] убедительнее подтверждается этническая пестрота «кровнородственных союзов». Последнее применимо, как увидим ниже, и к ала-элинцам.

Наша информаторша Кыз-Биби почиталась среди ала-элинцев знатоком преданий и к тому же являлась «хранительницей священных вещей» упомянутого Кары-Алов-пира. К ней в праздники совершали паломничество старики и старухи, «чтобы приложиться к святым вещам пира», но в 1930-х гг., как передают ала-элинцы, в связи с коллективизацией и повышением материального и культурного уровня колхозного крестьянства оскудели доходы у Кыз-Биби; число паломников крайне уменьшилось, и она ушла в Иран в поисках новых почитателей вещей Алов-пира; однако у нее, по словам ала-элинцев, на руках не было седжере (паспорта, родословного древа), говорящего о принадлежности священных вещей Кары-Алов-пира, и поэтому ей не разрешили собирать людей для поклонения им. Вскоре Кыз-Биби умерла в Ираке.

б) Письменные источники об ала-элинцах

Самое раннее упоминание о туркменском племени али-или (ала-эль) мы находим у хивинского историка Абульгази-Богадур-хан (1643-1663), в его «Родословной туркмен» 13. В этой родословной в разделе VIII, говорящем о «племенах, присоединившихся к туркменам», Абульгази к числу последних

относит племена: эски, хызыр, тиведжи, кара-ойли и др., среди которых, по его словам, были и предки ала-элинцев. По данным, основанным на «Огуз-намэ» — преданиях, распространенных во времена Абульгази, ала-элинцы произошли от раба, принадлежавшего Мама-Бике, дочери Эрсари-баба 14. У этого раба (имя не приводится) было четыре сына: Хызр, Али, Ик-бек и Кашга.

«Али-Джуре — говорит Абульгази, — подобно старшему брату, поселился на берегу Аму-дарьи и разбогател. Около него поселились бедняки и голытьба из туркмен и узбеков. Всех их называют али-или (племя али). Из племени али одно отделение, называемое могульчик, происходит от Али-Джуре. Их страна была по обе стороны Аму, от Кара-Кичита до Актама» (Актам — около Балхан). От старшего брата Хызра, по словам Абульгази, произошло племя хзыр-или; от этого племени происходит отделение кутляр. От третьего брата, Ик-бека, произошло два отделения кулляр и джагатан-кулляр. От четвертого — Кашга-джуре произошло племя кара-ойлю, потомки которого жили близ Аджи-Тенгиз 15, на берегах Аму.

Из приведенных сведений о «племенах, присоединившихся к туркменам», хотя и полулегендарных (в части происхождения племен), видно, что племена али-или (ала-эль), хзыр-или, кутляр и кулляр 16 во времена Абульгази жили «по обоим берегам Аму-дарьи» прежнего русла до впадения ее в Каспийское море.

До последнего времени потомки двух племен — хзыр-или и кутляр располагались в районах Чарджоусской области и в Каракульском районе Узбекской ССР 17, потомки кара-ойлю (кара-эль, или кара-или) встречаются в различных местах в низовьях Аму-дарьи, в Хорасане и др. Часть ала-элинцев проживает в Каахкинском районе ТССР; часть их в числе трех тысяч кибиток проживала в районе Андхоя, в Афганском Туркестане 18; в Хорезме ала-элинцы располагались в XIX в. в районах Кандум-кала, Кызыл-Такыре, Хазараспе, Булумсазе, на канале Клыч-Нияз-бай, где их соседями были авшары, ассы, найманы, кардашлинцы (языри) 19 и др. У П. П. Иванова али-илинцы в большинстве случаев, по хивинским документам, названы ала-эли 20, что соответствует народному преданию и вытекает из приведенного выше сочинения Абульгази, говорящего о том, что племя али-или сформировалось из узбекской и туркменской голытьбы, т. е. получился смешанный, пестрый состав (ала, алача). Необходимо также отметить, что

ала-элинцы во время их нахождения в Хорезме расселялись в тех же, примерно, местах, где проживали потомки двух огузских племен: алка-белюк и кара-белюк 21; род под названием «Алабелюк» имеется также и в составе хивинских узбеков 22. [148]

В одном из упоминавшихся письменных источников говорится, что в 1538-1539 гг. ала-элинцы проживали в Хиве, в районе Хазараспа, но в 1598 г. они вместе с джелаирами «составляли часть населения Мерва и его области»; они также «имели свои юрты в областях Несы, Дуруна и Багабада», возможно, что в этих двух районах жили отдельные группы ала-элинцев, территориально не связанные между собой. При проведении административной реформы в хивинском ханстве (1646) Абульгази-хан, автор упоминавшейся «Родословной туркмен», присоединил ала-элинцев и джелаиров к узбекскому племени кыят, которое, видимо, проживало по соседству с ала-эли и джелаирами 24, скорее всего с теми, которые жили в районе Мерва.

Прослеживая сведения по доступным нам письменным и устным источникам, говорящим или упоминающим о туркменах ала-элинцах, выясняем, что большинство последних в период XV-XIX вв. имело соприкосновение с туркменскими племенами огузской группы: авшарами, язырами (карадашлы), алка-ойлю, а также с племенами, образовавшимися после монгольского завоевания: текинцами и тиведжи; на среднем течении Аму-дарьи ала-элинцы жили вместе с сакарами — отделением сия-даг-сакары 25, которые, по Абульгази, раньше назывались карай-ойлю-хелиль. Они, по его словам, являются «потомками Кашга-Джуре». По нашим сведениям, сия-даг-сакары пришли в Чарджоу с низовьев Аму-дарьи. Один из наших рассказчиков Хал-Назар Атаев, бывавший среди сакаров Саянского района Чарджоусской области, сообщил нам, что сия-даг-сакары считают себя близко родственными ала-элинцам и что у сакаров имеются роды, носящие такие же названия, как и у ала-элинцев, например, «Каркын» и «Кыпчак».

в) О родовом делении ала-эль, их численном составе и расселении

Выше упоминалось лишь одно отделение ала-элинцев, которое Абульгази называет «могульчик». В современном перечне родовых делений той части

али-эли, которая проживает в Каахкинском районе, могульчик отсутствует. Возможно, что этот род обособился, приобрел другое наименование, что часто случалось со многими туркменскими родами и даже племенами. Можно также предположить, что род могульчик ныне находится на территории Афганистана.

По данным наших рассказчиков, ала-элинцы, проживающие в девяти аулах и крепостях Каахкинского района, делятся на два (основных) рода: Он-беги и Юз-баши, каждый из которых имеет по четыре колена, в таком порядке 26:

Род

Колено

Количество хозяйств в каждом клене (данные 1930 г.)

Он-Беги

Ай-терахме

Неизвестно

Мовдут-пакка

280

Оучи-Дуузчи

200

Джин-Джинны-гява

Неизвестно

Юз-баши Юз-баши-Келегейли (или Безмеинли)

120

Немесли-Касими

105

Каркын

80

Кыпчак

Кроме перечисленных восьми колен, имеются еще несколько более мелких подразделений, а именно: по линии Он-беги — Герре, Гок-куметли, Ялан-ашляр, Али; по линии Юз-баши — Касабляр, Мегенли, Чиллер, Чапанляр, Чарыкляр и др. Из них пакка и аи присоединились к ала-элинцам из рода Нохур (Бахарденекий район ТССР), а каркын и хасыми присоединились во время нахождения ала-элинцев в Хиве. До присоединения к ала-элинцам эти два колена, по словам стариков, входили в состав карадашлинского (язырского) племени.

Некоторые названия родовых и более мелких делений повторяются и в ниже показанных туркменских племенах. [149]

У ала-элинцев

В туркменских племенах

Каркын самостоятельное племя в Керкинском районе и род у теке и эрсари

Кипчак род у племени караул; название аула — «Кипчак» - у текинцев

Немесли род у йомутов

Юзбаши род у мурча и нохурцев

Мовдут род у карадашлы

Паккарод у эрсари; покон у теке и пеккей у карадашлы и эмрели

Из сравнения приведенных родовых названий видно, что та часть ала-элинцев, которая расселена в Каахкинском районе, имела в прошлом связь с туркменскими племенами карадашлы (языри), нохурли, эмрели, эрсари, каркын и с кипчакским юртом (команы, половцы). Сравнение родовых названий и некоторые данные письменных источников приводят к следующим выводам:

а) Племя ала-эли возникло в огузско-туркменский период (VI-X вв.), оно являлось частью этого союза племен и относилось к правому его крылу («бузук»). Такое предположение вытекает еще из того, что племена алкыр-эвли, кара-эвли, языр (карадашлы), авшар и каркын, с которыми ала-элинцы

имели территориальную общность, принадлежали именно к правому крылу огузского союза;

б) Племя ала-эли, таким образом, генетически сближается с туркмено-огузскими племенами каркын, алка-эвли (алкыр-эвли) и с кипчаками (команами, половцами); по соседству с кипчаками ала-элинцы жили продолжительное время. С потомками туркмено-огузского племени языр (карадашлы) ала-элинцы считают себя «близко родственными».

в) В преданиях ала-элинцы (по линии каркын) своим «предком» называют Юлдуз-хана, сына Огуз-хана, от которого, по Рашид-ад-Дину (XIII-XIV вв.), произошли племена: авшар, бекдили, карык и каркын. С авшарами как показывают наши источники, ала-элинцы жили по соседству как в Хиве, так и на территории современного Каахкинского района, вблизи крепости Беверд (Бавард, Абиверд); из племени каркын одно отделение вошло в качестве «колена» в род Юз-баши племени ала-эли; но оно носит название своего племени — «каркын», не утрачивая чувств родства с представителями последнего.

г) За последний: исторический отрезок своего существования (XVII-XIX вв.) племя ала-эли пополнилось посторонними этническими элементами, главным образом иранскими. В то же время от него территориально обособились близкие ему в прошлом родовые группы: хзыр-или, кара-ойлю, могульчик, кутляр, сия-даг-сакары, тиведжи, мехинли и др.

В настоящее время туркмены ала-эли живут компактной массой в Каахкинском районе Туркменской ССР в следующих девяти аулах: Юз-баши, Он-беги, Кара-хан, Хива-Абад, Киштан, Арчиньян, Курен-кала, Араб-кала в Араб-Кяширляр-кала; последние два аула возникли после завоевания Закаспия русскими войсками (1881-1885), причем аул Араб-Кяширляр-кала заняли представители Юз-баши путем выделения из этого рода по одному из каждых трех хозяйств; аул Араб-кала заняли представители рода Он-беги по тому же принципу; Курен-кала заняли представители от обоих родов. Большинство ала-элинцев, однако, проживают в аулах Юз-баши и Он-беги.

Небольшое число хозяйств ала-элинцев осталось в Хивинском оазисе, в Ильялинском районе Ташаузской области. Родовая принадлежность и численный состав ала-элинцев, проживающих в этом районе, нами пока не выяснены. Неизвестны нам также численность и родовая принадлежность

ала-элинцев, проживающих на территории Афганистана, о которых упоминает Вамбери. Опрошенные нами старики ала-элинцы о своих афганских братьях сообщают кратко: «число наших каахкинских ала-элинцев, по сравнению с афганскими, — капля в море; живут они там в приграничной полосе, примерно от крепости Кушка до границ нашего Керкинского района».

По соседству с ала-элинцами живут в Каахкинском районе туркмены-теке. Они населяют аулы: Душак, Чаача, Ахча-тепе, Мияна (Мехне), Махмал-тепе, Кауку-Зеренг, Хосров-кала, Артык, Баба-Дурмаз (в последнем текинцы смешаны с представителями потомков арабов — шихами), Каушут, Даргана и Мамед-Ораз-кала; махтумцы, потомки арабов, занимают аулы: Кесе-Ули и Махтум-кала; ана-улинцы, выселившиеся из крепости Анау, занимают аул Чукур-кала; крепость Тезе-Хисар заселена иранцами; третья группа потомков арабов — род Ходжа (смешанно с текинцами) проживает в ауле Ходжа-кала и, наконец, в ауле Мехенли живут аборигены Атека, туркмены рода Мехин или Мехисин. Часть мехинцев проживает в Бахарденском районе ТССР, а часть, известная под названием «мейли», находится в районе города Ташауза (Хорезмский оазис).

Комментарии

1. Собранные сведения относятся к 1923 и 1931 гг.
2. Дарагез Абивердский (Дереджез) находится на территории Ирана на границе с Каахкинским районом ТССР.
3. Мухаммед-Эмин (1845-1855).
4. Повидимому, Аллаяр-хан, каджар, дарагезский губернатор, управлявший этой крепостью в 1870-х годах.
5. Дженнек (правильнее: дах-ек) — 1/10 урожая.
6. Сеид-Мухаммед-Рахим-хан хивинский (1865-1910).
7. Хивинский тилля равен 3 руб. 60 коп.
8. Турткуль (Петро-Александровск) — бывшая столица Кара-Калпакской АССР.
9. Во время пребывания ала-элинцев в Хиве их джигиты в числе других, по приказу хана хивинского, несколько раз принимали участие в набегах с

целью грабежа на тедженских туркмен. Поэтому предъявленное тедженцами требование о сдаче оружия и верблюдов явилось местью за понесенные в прошлом убытки — см. «Материалы по истории Туркмении и туркмен», т. II, М.-Л. 1938 стр. 529, 531 и др.

10. По Рашид-ад-дину, племя «каркын» относится к союзу туркмен-огузов, его правому крылу, к линии Юлдуз-хан («Материалы по истории Туркмении и туркмен») т. II, стр. 495).

11. Племя языри ныне называется карадашлы.

12. а не семь дней, как гласит первое предание.

13. Абуль-Гази-Богадур хан, Родословная туркмен, Асхабад, 1897.

14. Эрсари-баба жил в XIV в. См. В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, стр. 44.

15. Аральское море.

16. Хзыр-или известны еще под названием хдыр-или, а кутляр под названием кут. С. П. Толстов в хзыр-элинцах склонен видеть потомков эмигрантов, пришедших в Хиву в X в. с Волги («Советская этнография», 1946, № 2, стр. 93). Предположение не лишено интереса и может пролить свет на построение генеалогии племени хызыр.

17. «Материалы по истории Туркмении и туркмен», т. II, стр. 324, 422.

18. А. Вамбери, Путешествие в Бухару, СПб., 1865.

19. П. П. Иванов, Архив хивинских ханов, Л., 1940, стр. 54, 60, 173, 177, 187.

20. Там же, стр. 76, 83, 92, 153.

21. Ср. «Материалы по истории Туркмении и туркмен», т. II, стр. 353; т. I, стр. 494, 495; В. В. Бартольд. Указ. работа, стр. 28.

22. Сборн. ИВАН, т. VII, 1935, раздел, относящийся к истории Кара-Калпакии.

23. См. «Материалы по истории Туркмении и туркмен», т. II, стр. 60, 92, 99 и сл. Абульгази в указ. труде говорит, что адаклы-хызыр, али-эли и тиведжи, т. е. «учили», располагались по Узбою до Балканских гор.

24. «Материалы по истории Туркмении и туркмен», т. II, стр. 328.

25. О сакарах см. «Известия ТФАН», 1947, № 1-2.

26. Симметричность в делении туркменских племен, особенно огузского союза, была уже отмечена С. П. Толстовым (см. «Проблемы истории докапиталистических обществ» № 9-10, стр. 8 и сл.); показательна в этом отношении структура племени ала-эль.

Текст воспроизведен по изданию: К истории туркмен али-эль (ала-эль) // Советская этнография, № 3. 1947

ТУРКМЕНИ ИОМУДСКОГО ПЛЕМЕНИ.

Туркмены иомудского племени разделяются на два отдела: байрамшили и карачуха. Первый живет в пределах Хивинского Ханства: Айбугирский Залив, Сары-Камыш, восточные склоны Усть-Урта 1 и колодезь Игда-кую служат пределами распространения их кочевков.

Второй отдел, которым мы ограничимся в этом очерке, группируется, главным образом, у рек Гурген и Атрек, впадающих с юго-востока в Каспийское Море. На север и восток кочевники этого отдела доходят до южного берега Карабугазского Залива, колодцев Демпе, Дирин, Кум Себшен, у юго-западной оконечности Усть-Урта, колодца Игда-кую, на старом русле р. Аму, и колодца Ушак, у северного склона горного хребта Курен-даг, близ Текинского укрепления Казыль-Арват.

Иомуды-карачуха подразделяются тоже, в свою очередь, на два отдела или семейства: Чони и Циереб. Предание говорит, что это были братья родоначальники всех нынешних иомудских поколений. Чони и Шереб делятся на следующие поколения:

А. Чани: 1) Аг, 2) Атабаии, 3) Таз, 4) Бадрак, 5) Эймир 6) Кечрк, 7) Кан-иокмаз, 8) Игдыр, 9) Татар, 10) Куджук,

В. Шеребг: 1) Джафарбай, 2) Тюаджи, 3) Ильгай, 4) Бельши. 5) Карроу, 6) Бага. Каждое поколение подразделяется на отделения и роды. Перечислять их считаем бесполезным.

По роду жизни, туркмены-карачука делятся на оседлых (чомур) и кочевых (чарва). Те и другие живут в кибитках и строго говоря, даже оседлые не живут постоянно на одних и тех же местах. Но первые, располагаясь на берегу Каспийского [66] моря, в юго-восточном углу его и по берегам рек Гургена и Атрека, занимаются: живущие на берегу моря и устьев названных рек — рыбною ловлею, имеют лодки, торгуют с Персиею и чрез Астрабадскую станцию с нами; живущие по берегам рек — земледелием, сеют пшеницу, просо, ячмень, чалтык, хлопчатник, кунжут, на р. Гургене держат много рогатого скота и совсем не держат верблюдов. Оседлые с кибитками перемещаются на небольшие расстояния, много на две, на три версты, собственно для того, чтобы располагаться на свежих и чистых местах.

Напротив того, чарва — кочевники, в полном смысле слова, посевами никакими не занимаются; только весьма немногие из них сеют дыни и арбузы у большого Балхана; рогатого скота не имеют; держат верблюдов и баранов.

В каждом из названных поколений есть и оседлые и кочевые; только поколения Белькя, Карроу и Бага, за исключением нескольких кибиток, все кочевые. Почти каждая кибитка оседлых туркмен имеет родственную ей кибитку у кочевников. Часто, например, отец оседлый, сыновья его кочевники, и, наоборот; несколько братьев оседлых и несколько братьев кочевников. Также часты переходы от оседлых в кочевые и наоборот. Обеднение, ссора с соседями, женитьба на женщине, у которой родственники кочевники, обращают оседлого в кочевника; смерть оседлых родственников, потеря верблюдов, женитьба на оседлой делают часто кочевника оседлым.

Чрезвычайно трудно расспросами собрать сколько-нибудь точные данные о числе кибиток каждого поколения; обыкновенно лица, сообщающие сведения, преувеличивают число кибиток своего поколения и уменьшают число кибиток других, особенно враждебных, поколений. Более приблизительными можно считать сведения о числе оседлых кибиток каждого поколения. Оседлые иомуды-карачука, по поколениям, живут в таком порядке:

По обоим берегам, считая с запада:

А. На р. Атреке: Джафарбай, Аг, Атабай.

В. На р. Гургене: Джафарбай, Аг, Атабай, Таз, Тюаджи, Ильгай, Бадрак, Эймир, Кечек, Кан-иокмаз, Игдырь, Татар, Куджук.

Каждое из этих поколений, в видах собственной безопасности, живет довольно сплошной и чрезполосностей надо; только поколения Аг и Атабай живут перемешано, и потому туркмены называют их часто одним именем «ага-табай». Между [67] поколениями татар и куджук живет поколение иомудов байрамшалинского отдела — Салах.

Кроме того, на берегу Каспийского моря находятся: джафарбайские аулы Чекишляр — к северу от Гасанкулинского Залива; Гасан-кули, на заливе того же имени; Гюмюш Тепе — у устьей Гургени; Кара Сенгер — против острова Ашур-Аде. Между джафарбайцами и агатабайцами живут рассеянно по нескольку оседлых кибиток поколений Белькя, Карроу и Бага.

Числительность оседлых кибиток каждого поколения такова: На р. Атреке: Джафарбай 400, Агатабай 300. На р. Гургене: Джафарбай 2,000 2, Ага-табай 1,000, Таг 600, Тюаджи 600, Ильгай 300, Бадрак 300, Эймир 300, Кечек 300, Кан-иокмаз 150, Игдырь 150, Татар 200, Салак 100, Куджук 700 3.

Кроме того, покорения Джафарбай, в аулах: Чекишляр 500 и Гасан-кули 400.

Таким образом, Всех оседлых иомудов-карачуха считается 7,200 кибиток, а прибавляя 100 кибиток поколения Салак-Байрамшаии, 7,300 кибиток. Из них на берегу Каспийского Моря — 1,700 (считая Чекишляр — 500, Гасан-кули — 400, Гюлёюш-тепе — 500, Кара Сенгер — 300).

На р. Атреке 700, на р. Гургене 5,800. Так как на реке Атреке туркмены живут по обоим берегам, то считать вне пределов Персии можно только аулы Чекишляр и Гасан -кули, наибольшее число 900 кибиток; вся же остальная масса — 6,400 кибиток — живет в пределах, признаваемых персидскими. Говорим «признаваемых» потому, что собственно на правом берегу р. Гургену Персия не имеет ни каких, видимых следов своего владычества. Нечто в роде неопределенной подати, скорее подарка, дается персидскому правительству туркменами, живущими на р. Карису, левом притоке Гургени и у персидской крепости Ак-кале. Приводя к единице и округляя показанные цифры, выходит, что $\frac{2}{10}$, всего оседлого населения туркмен живет на

берегу Каспийского моря, менее 1/10 на р. Атреке более 7/10 на р. Гургене, и далее, 7/8 оседлых туркмен признаются подвластными Персии; остается, таким образом, неподвластными или вольными 1/8 4 оседлого населения. [68] Принимая, что каждой оседлой кибитке соответствует кибитка кочевая, имеем число кочевников иомудов-карачука, за исключением поколений Белька, Карроу и Бага, которые все кочевники, 7,200; поколений Белька, Карроу и Бага — 1,000 кибиток; стадо быт всех кочевников 8,200 кибиток. В поколении Салак кочевников нет. Или, все число кибиток иомудов-карачука — 15,400, а вместе со 100 кибитками поколением Салак — 15,500. Полагая же в каждой кибитке 5 душ обоего пола, численность всего населения определяется в 77,500 человек. Ниже увидим, что, по всей вероятности, эта цифра значительно более действительной, по крайней мере относительно кочевников.

Кочевники зимою живут между реками Гургеном и Атреком, а также по правому берегу р. Атрека; весьма немногие остаются зимовать у Бадхан или на старом русле р. Аму. На зимовники приходят обыкновенно в ноябре и остаются на них до половины февраля.

Летние месторасположения ночевок можно разделить так: а) на старом русле р. Аму; б) на дороге от урочища Таш-Арват-Кала; на северном склоне Большого Бадхана, к Сары-Камышу; в) к западу от этой дороги; г) к востоку от этой дороги; д) между старым руслом реки Аму и Большим Бадханом: а) с западной, б) южной и в) восточной стороны; е) у подошвы хребта Курен-дага; ж) между Курен-дагом и старым руслом р. Аму; з) по дороге от старого русла р. Аму к р. Атреку.

А. На старом русле реки Аму.

Мулла-Кари..... 80 кибиток Пресная вода

Октам..... 120 » » »

Кара-Доурун..... 100 » » »

Тагир..... 150 » » »

Кора Гишем..... 100 » » »

Аяты-кую..... 160 » » »

Кыз-пара..... 80 » » »

Чалой..... 120 » » »

Дана-Ата..... 50 » » »

Буюраджи..... 140 » » »

Джайрук.....150 » » »

Асхаб..... 200 » » »

Кара-Тегелек..... 120 » » »

Топ-ятон..... 150 » » »

Тагадек..... 180 » » » [69]

Джамалай..... 160 » » »

Халь-маджи..... 40 » » »

Игда-кую..... 50 » » »

Б. На дороге от ур. Таш-Арват-кала к ур. Сары-Камыш.

Таш-Арват-Кала..... 135 кибиток Пресная вода

Ушак..... 60 » » »

Огланли..... 100 » » »

Оюкли..... 80 » » »

Гезли-ата..... 200 » » »

Бульмадзур..... 10 » Дождевая »

Авламмыш 40 » Пресная »

Тонгра..... 50 » Солоноватая »

Чагыл..... 80 » Пресная »

Кумсебшен..... 100 » » »

В. Западнее дороги в Сары-Камыш.

Ах-кую..... 40 » » »
 Ирйкли.....60 » » »
 Белек 5..... 50 » Солоноватая»
 Курт-кую 5..... 50 » » »
 Бурнак 5..... 50 » Пресная»
 Сюльмень 5..... 100 » Солоноватая»
 Сюйли 5..... 60 » » »
 Янгуджа 5..... 40 » » »
 Демирджен..... 60 » » »
 Языгишем..... 70 » Пресная »
 Ярауйлян..... 20 » Солоноватая »
 Кукурт..... 120 » Пресная »
 Орфа..... 40 » Солоноватая »
 Кош-орфа..... 130 » Пресная »
 Иети-Сири..... 110 » Солоноватая »
 Туэр..... 50 » Пресная »
 Секиз-хон..... 20 » » »
 Депме..... 40 » Солоновата »
 Дирин..... 60 » » »

Г. Восточные дороги в Сары-Камыш

Караймон..... 25 кибиток. Солоноватая вода
 Порсаймон..... 15 » » »
 Шатлы..... 15 » » » [70]

Кемаль..... 70 » Пресная »

Гезбе-Аджи..... 35 » Солоноватая »

Ильпыш.....30 » Пресная »

Коймат..... 80 » Солоноватая »

Карайман..... 15 » Пресная »

Ах-кую..... 40 » Солоноватая »

Геклен-кую..... 30 » Пресная »

Д. Между старым руслом Аму и Большим Балханом

С запада Джебель-Ата..... 20 6 кибиток. Пресная вода

С юга. Кутул..... 80 » » »

Бала Гишем..... 40 » » »

С востока Ужмек..... 5 » » »

Ходжи-кую..... 30 » » »

Ат-еви..... 65 » » »

Кариз..... 80 » » »

Кош Агырли..... 60 » » »

Аджи-кую..... 50 » Солоноватая »

Е. У подошвы Курен-дага.

Кегне-Кырымса..... 40 кибиток. Пресная вода.

Дана-Ата..... 70 » » »

Борсли..... 200 » » »

Обой..... 120 » » »

Чаир-су..... 160 » » »

Козанджик..... 80 » » »

Кесанджик..... 40 » » »

Эджери..... 100 » » »

Узун-су..... 70 » » »

Арват..... 50 » » »

Ж. Между Курен-дагом и старым руслом реки Аму.

Айдин..... 60 кибиток. Пресная вода

Ярыкли..... 40 » » »

Шорджа..... 20 » Солоноватая »

Летом 1870 г. Летом 1871 г.

Чин Чохрак 150 кибиток 200 кибиток. Пресная вода

Он-кую 220 » 460 » » »

Гяур... 180 » 200 » » »

[71]

Д. На дороге от старого русла Аму от колодца Тагир к р. Атреку.

Шагирды..... 60 кибиток. Дождевая вода.

Богдайли..... 600 » Пресная »

Гямяджик..... 200 » » »

Таган-кылындус..... 150 » » »

Хали-Куррух..... 100 » » »

Энка..... 100 » » »

Аул Чекишляр.

Кочевники семейства Шереб располагаются западнее Чони. Первые выходят с зимовников по дороге к колодцу Тагиру, вторые с верховий Атрека, вдоль хребта Курен-дага; джафарбаи и агатабаи направляют как движением, так и размещением, т.е. первыми трогаются с зимовников и первые занимают летние места. Прочие поколения следует за ними. Обыкновенно они поднимаются с зимовников в конце февраля, и в апреле уже располагаются на летних местах, где живут сгруппировано, образуя аулы, или рассеянно, по нескольку кибиток, что зависит от отношений к другим поколениям, а еще более к другим кочевым племенам, именно киргизам, текинцам и байрамшалинцам. Кочевка отдалается иногда от колодца или родника верст на 15, даже на 20. В жаркие месяцы стараются расположиться у самой воды. На одном месте остается аул от одного до и?а месяца. Численность кочевников каждого поколения далеко непостоянна, она изменяется от многих причин. Неприязненные отношения к киргизам и текинцам заставляют кочевников тесниться к югу и западу; наоборот, сильная болезненность у Гургена и Атрека, увеличивая их число, заставляет выдвигаться далее на север. Весною 1870 года туркмены располагались у колодцев в числе кибиток, означенных в списке кочевков. Напротив того, весною 1871 года, избегая, вследствие подстрекательства хивинского хана сношений с нами, все население, за исключением 1,000 кибиток агатабайцев, живших у колодцев Чин-Чокрах, Он-кую, Динор, Гяур, у границы туркмен племени Текэ, и 120 кибиток джафарбайцев, живших у Большого Балхана, кочевало между реками Гургеном и Атреком и вдоль правого берега последней реки, выше агатабайских оседлостей. Так располагались кочевники, с ноября 1870 года, в продолжение более восьми месяцев. Имея в виду, что среднее расстояние между реками Гургеном и Атреком не более 60 верст, а длина района занимаемого [72] иомудами по Гургену 100, по Атреку 130 верст, т.е. все пространство между реками 6,900 квадратных верст, нельзя не придти к заключению, что определенная выше численность населения несравненно выше действительной.

Туркмены принадлежат к тюркской расе и соплеменны с тюрками северной Персии, Закавказья и Турции. В наружности настоящих туркмен легче всего можно видеть чрез какие изменения прошли, например, стамбульский турок или житель Тавриза, чтобы от своего первоначального типа дойти до настоящего. Так, между туркменами встречаются узкие кривые глаза, выдававшиеся скулы, редкая маленькая борода, словом типы расы, стоящей на первой ступени после настоящих монголов, равно как и лица совершенно кавказского типа. Такой переход туркмен от монгольского типа к кавказскому происходит вследствие браков с персиянками и куртинками. Замечательно, что рожденные от смешанных браков субъекты женского пола упорнее сохраняют племенной тип своих отцов; в туркменках, рожденных от матерей персиянок или куртинок, редко можно найти чистоту кавказского типа, часто встречаемую у мужчин. Туркмены понимают красоту персидских и куртинских женщин и любят брать их в жены и наложницы. Число смешанных браков было бы еще значительнее, если бы туркмен не останавливало убеждение, что преимущественно мать передает потомству нравственные особенности своего племени. Потому-то всякий туркмен считает обязанностью иметь хотя одну из жен природную туркменку, и дети от нее рожденные считаются более «благородными».

Все туркмены отличаются высоким ростом и сложением, по истине, атлетическим; между ними редки субъекты малорослые и болезненные. Это, кажется, можно объяснить тем, что в грубой кочевой обстановке, при постоянном отсутствии даже самых незначительных удобств, все слаборожденные умирают прежде достижения совершеннолетия. Замечательно, что между туркменами распространен в довольно сильной степени сифилис. Они говорят, что болезнь занесена к ним из Хивинского Ханства, и это похоже на правду, так как в провинциях северной Персии сифилис встречается редко, а в южной его совсем почти нет. Из других болезней на реках Гургене и Атреке свирепствуют лихорадки, часто принимающие злокачественный характер. Довольно сильно развиты также глазные болезни, что, очевидно, происходит от почти постоянной пыли, вследствие ветров. Кажется, бывают [73] и случаи скорбута, который называют туркмены диш качты, в переводе «убежали», т.е. «по выпадали зубы». Впрочем, видеть больных скорбутом не приходилось.

Туркмены говорят по-татарски джагатайским наречием; в произношении есть особенности, и, между прочим, часто слышен звук буквы «ц»,

совершенно чуждый другим татарским наречиям. Это тоже, кажется, показывает, что еще не изгладились звуки монгольский языка. Текинцы говорят гораздо чище и вразумительнее, звука «ц» в разговоре у них совсем не слышно. Туркмены любят музыку и пение. В их песнях или воспеваются храбрецы и богатыри, или песни состоят из ничего незначащих слов, подобранных в рифму. Напевы туркменских песен довольно гармоничны и для европейского, особенно русского, уха, несравненно сноснее персидского пения.

Соседство с Персией и невольное от того влияние мусульманско-персидского образования исказило, перемешав с рассказами из древней персидской истории, все старые легенды и предания туркмен. Под именами «Афросияба», «Рустема», «Зогака» и «Искандер Зулькарнейна», часто, правда, поставленными в своеобразную обстановку, трудно отыскать что собственно принадлежит туркменам и что заимствовано. Из событий двух последних веков им кое-что известно о калмыках, о хивинских ханах, о походе Бековича-Черкасского и о Надир-шахе.

Читать и писать у туркмен знают только муллы, обучающиеся в Хиве и весьма немногие в Бухаре.

Все туркмены мусульмане-сунниты и довольно исправно исполняют предписываемые религиею обряды. Можно только положительно сказать, что у них совсем нет религиозного фанатизма: делить хлеб-соль с христианином, охотиться за кабанами, убивать ш и привозить продавать русским, нисколько не считается осквернением.

Общественный строй туркмен чисто-патриархальный. Старшины их (яхшиляр, в переводе «хорошие»), к числу которых принадлежат как старшие в роде, так равно и лица более зажиточные или отличающиеся умом и храбростью, имеют на своих соплеменников только влияние, но отнюдь не пользуются властью. Многие старшины прибавляют к своим именам слово «бай» — измененное на туркменском наречии турецкое слово беги. Но, вообще, прибавка «бай», и даже хат к именам совершенно произвольная. Это делается, по большей части, так: начинают величать ханом своего хозяина невольники или персидские купцы, потом [74] повторяют тоже бедные туркмены, обращаясь за какими-нибудь милостями; это обращается в

привычку, так что старшина, говоря о самом себе, зовет себя «ханом». Точно также и с титулом бай; только в этом случае начинают не персы, а бедняки туркмены. Словом, персы-купцы или невольники производят туркменских старшин в «ханы», а бедняки туркмены в «баи». Никаких особых прав, привилегий или значения с этими титулами не соединяется.

Не следует, однако, думать, чтобы у туркмен не было своего рода аристократии; напротив, влияние на общественные дела людей, принадлежащих фамилиям, в продолжение нескольких поколений отличающимся богатством или нравственными качествами, несравненно сильнее, чем людей новых. Последним нужны какие-нибудь особенно благоприятные обстоятельства, чтобы обратить на себя внимание и заставить себя слушать, тогда как первые, по привычке, начинают смело рассуждать на всех съездах и совещаниях.

Влияние старшин сильно в делах междуплеменных, когда одно племя мирится с другим после ссоры или заключает союз против общего врага, и ничтожно в делах частных, особенно уголовного характера. В последнем случае виноватый, боясь мести и насилия противника, обыкновенно бежит, и потом или бродит в степи, или скрывается у враждебных племен. У туркмен еще не сложилось мысли, что можно жаловаться за обиду, кражу или какое-нибудь насилие: если виновный попался в руки обиженного, то последний вымещает на нем сколько может и возмездие умеряется только заступничеством родственников; если же виноватый бежал, то дело или тем и кончается, или между родственниками заинтересованных сторон начинается распря международного характера. Старшины и духовенство входят тогда в свою роль, склоняя убеждениями и увещаниями враждующие стороны к примирению. Таким образом, одна сторона склоняется дать разные вознаграждения, а другая сделать уступки. Замечательно, что в этом случае духовенство приводит правила шариата не как непременно предписания, но старается убедить ими как идеальными, достойными подражания, примерами. Только эта, обычаем установившаяся, ответственность родственников одного за другого в безначальном туркменском обществе обуздывает своеволие и сдерживает страсти.

Раздел имущества туркмен производится без участия духовенства, по обычаю, отличающемуся, главным образом, тем, что [75] дочери не получают частей, назначенных им шариатскими постановлениями. Участие

духовенства в делах, кроме исполнения немногих мусульманских треб — обрезания, погребения — ограничивается тем, что их приглашают, конечно за вознаграждение, писать письма, разные обязательства и, раз в год, поверять имущество, причем пересчитываются деньги.

Имущество туркмен заключается, кроме разных хозяйственных принадлежностей (как -то: кибитки, войлоки, ковры, чугунные и медные котлы, медные луженые подносы, чашки, кувшины, одежда, оружие), в невольниках, лошадях, скоте (у кочевых в баранах и верблюдах, а у оседлых в рогатом скоте и баранах). Между оседлыми туркменами, преимущественно на Гургене, начинает устанавливаться землевладение; каждое семейство возделывает постоянно один и тот же участок земли; бывают случаи продажи таких участков.

Туркмены-мужчины, кроме набегов, поездок на совещания или в гости, проводят время в совершенной праздности. При этом любимым развлечением им служит шахматная игра. Около играющих собирается большой кружок зрителей; они чрезвычайно внимательно следят за игрой, образуются партии за того или другого игрока, за тот или другой ход. Туркмены вообще играют в шахматы хорошо и чрезвычайно быстро.

Все домашние работы лежат на женщинах, которым помогают невольники. Женщины разбивают кибитки, готовят пищу, поят верблюдов, шьют одежду, занимаются тканьем ковров, паласов и войлоков.

Кибитка, служащая исключительным жилищем всем племенам оседлых и кочевых туркмен, состоит из деревянного, цилиндро-конического остова и войлочной крыши. Деревянный остов состоит из круглой решетчатой стенки, аршина два высоты и аршин семь в диаметре (решетка делается из тонких деревянных жердей, крестообразно одна на другую накладываемых) и из потолка в виде овально-конического свода, составляемого тоже из тонких жердей, нарочно для того изогнутых. Каждая потолочная жердина одним концом лежит на решетчатой стенке, а другим входит в отверстие деревянного или веревочного кольца, которое, укрепляя таким образом стропильник потолка, служит, вместе с тем, и отверстием для пропуска света и выхода дыма. Сверх остова накладываются кошмы (войлоки), опоясываемые шерстяными веревками и тесьмами. Вместо двери оставляется в стенке [76] отверстие, которое завешивается сверху особым войлоком. Кибитки туркменские от калмыцких отличаются большою

легкостью, как вследствие того, что решетчатая стенка гораздо реже и овальный потолок ниже конического потолка калмыцких кибиток, так и потому, что самые кошмы тоньше и легче. Чтобы предохранить кибитку от ветров, дующих в степях с необыкновенною силою, верхнюю часть опоясывают веревкою в виде аркана; концы веревок или привязывают с наветренной стороны к колу, или накладывают на них камни. Две женщины разбивают кибитку в полчаса времени; работу эту они исполняют молча, будто по приемам, только изредка знаками давая знать что нужно опустить, поднять и т. д. Убранство кибиток зажиточных туркмен состоит в коврах и подушках, цилиндрической формы, называемых «мутаками». С внутренней стороны решетчатая стенка завешивается коврами или шелковыми материями. В том месте, где кончается стенка и начинается потолок, тоже с внутренней стороны, опоясывают длинным и узким ковром; длина его равняется окружности кибитки, ширина около 1/2 аршина. Эта кайма составляет как бы карниз. Особое щегольство состоит в изяществе работы такого карниза. Туркменские ковры отличаются мягкостью и прочностью; цвета хорошо подобраны; фон обыкновенно вишневый или коричневый; узоры просты и не лишены вкуса. Войлоки бывают двух родов: или для покрышки кибиток — тонкие, цвета темно-желтого, или для подстилок, вместо ковров — толще, плотнее, преимущественно темного цвета с пестрыми узорами.

Пищу туркмен составляют отваренный в воде рис, «пилоу», общее-мусульманское блюдо, баранина вареная и жареная на вертеле; из пшеничной муки делают тонкие лепешки, которые пекутся на раскаленном железном листе или на дне повернутого чугунного котла; за недостатком коровьего масла употребляют бараний жир и кунжутное масло. Туркмены, по большей части, довольствуются самою скудною и недостаточною пищею. Они перебиваются кое-чем; голодать по целым месяцам у них дело очень обыкновенное; за то, при всяком удобном случае, где только можно, они вознаграждают себя за прошедшее и стараются насытиться на будущее. В гостях, возвратившись с добычею после набега, или по возвращении с разными запасами из Хивы, после продажи там невольников, они едят один за четверых. Замечательно также, что все туркмены, до скупости бережливые к деньгам и всякого рода вещам, особенно считанным драгоценными, неспособны [77] сберегать съестное: самым зажиточным из них приходится голодать именно потому, что купленную в Хиве провизию, достаточную

семейству, например, на четыре месяца, они истребляют в полтора, а остальные два с половиною месяца, поневоле, им приходится перебиваться как-нибудь. Не употребляя крепких напитков, туркмены большие охотники до чая и сладостей, Нужно также удивляться их неразборчивости в качестве воды. Так, летом 1870 года, в колодце Курт-Кую, недалеко от северного берега Балханского Залива, нашли горько-соленую воду, верхние слои которой буквально были наполнены маленькими насекомыми, Казачьи лошади сначала отказывались пить; туркмены же тотчас прежде напились сами, потом напоили своих лошадей, и таким образом очистили воду от насекомых

Одежда мужчин состоит из халата, которых в холодное время надевают по несколько, один на другой. Халаты делаются или из шерстяной материи темно-желтого цвета, приготовляемой самими туркменами или из шелковой, пополам с бумагой, привозимой из Хивы или наконец из сукна, что считается самою нарядною и почетною одеждою. Далее принадлежность одежды составляют длинная рубашка ниже колен, с широкими рукавами, ситцевая, белая бумажная или шелковая, и такие же шаровары. Обувь в дороге составляют сапоги с мягкими подошвами и заостренными носками, привозимые из Хивы или из Персии (из г. Шахруда); дома носят туфли, по большей части персидской работы, с высокими каблуками и острыми носками. Зажиточные носят архалуки персидского покроя. Головной убор состоит из ермолки, необходимой для бритых голов, и из бараньей шапки овальной формы.

Одежда женщин состоит из рубашки такого же покроя, как и у мужчин, только гораздо длиннее, по большей части шелковой, таких же шаровар, архалука с рукавами по локоть; часто на борты архалука нашиваются золотые и серебряные монеты. Сверх этого женщины надевают или халат, или закрываются в роде пледа, нешитым куском шелковой или бумажной материи. Богатые туркменки носят на руках и на ногах браслеты, по большей части серебряные с бирюзой или сердоликами, также серебряные, очень массивные пояса и ожерелья с камнями и огромные серьги. На браслетах, серьгах и поясах часто привешиваются маленькие бубенчики, отчего происходит звон при всяком их движении. [78]

Все драгоценные женские украшения, обыкновенно, награблены в Персии и количество их служит как бы вывеской воинских доблестей семейства.

Зимою, как мужчины, так и женщины носят бараньи тулупы, покроя халата. В одежде богатых и молодых туркменок более всего бросается в глаза головной убор, имеющий вид огромного кивера; на него в обилии нашиваются монеты, золотые и серебряные украшения, драгоценные камни (бирюза, сердолик, яшма) и разные блески. Этот головной убор составляет нечто в роде парадной формы и надевается только в особенных торжественных случаях. В обыкновенное время голову повязывают платком, но не в виде чалмы, а скорее наподобие повязки русских баб. Обувь женщин такая же как и мужчин, только сапоги предпочитают красные или желтые.

Туркменки лиц не закрывают и от посторонних не прячутся.

Заправляя всеми работами по хозяйству, они пользуются большею свободою, чем, например, женщины зажиточного класса в мусульманских городах. Туркмены наивно признаются, что им, бедным степнякам, не под силу подчиняться просвещенным обычаям мусульманских городов.

В вооружении туркмен нет ни единообразия, ни той особенной воинственной красоты, ни той ловко приспособленной к употреблению пригонки, какие до сих пор можно встретить у большинства племен теперь уже мирного Кавказа. Их кривые сабли хоросанского приготовления, по большей части очень дурного качества. Старые клинки хорошей закалки, в Хоросане весьма дорого ценимые, редкость; они попадают к туркменам, разумеется, не иначе, как путем грабежа. Маленький, не обоюдоострый кинжал имеет скорее назначение столового ножа, чем того страшного оружия, каким бывал кинжал в руках кавказских горцев. Ружья у туркмен можно встретить всех родов; и длинные фитильные персидской работы, и кремневые азиатского образца, тоже персидской работы, наши гладкоствольные ружья, попавшие неизвестно каким образом из Астрахани, тульские и английские, охотничьи двустволки, по большей части очень плохие, такие же карабины; в настоящее время появляются даже карабины Лефаше. Несмотря на то, что туркмены преимущественно разбойники по ремеслу, они на деле мало обращаются с оружием, оттого у них не образовалось привычки и доверия предпочтительно к той или другой системе оружия. Совершенно противное видим мы у [79] кавказских горцев. Порох, главным образом получаемый из Хивы, весьма слабый и легко обращающийся в мякоть; хотя, впрочем, и иомуды, и текинцы умеют готовить порох и сами, но он уже решительно мало годен. В небольшом

количестве получается из Персии английский порох; оттуда же получают капсули. Патронташей или хазырей у туркмен нет; порох помещается в пороховнице, пули в мешочке; то и другое вешается на пояс; вследствие этого зарядание, особенно при непривычке и неловкости туркмен, очень медленно. Пистолеты, разного калибра и разных величин, носят или при себе, или на седле. Огнестрельное оружие имеют туркмены далеко не все. У большинства туркмен, кроме того, есть пики, с тростниковыми, очень легкими и, вместе с тем, очень крепкими древками, Это оружие, уже чисто туркменское, едва ли не самое удобное и действительное из всего их арсенала.

Между самими туркменами есть кузнецы, слесаря и серебряники: они обыкновенно также занимаются починкою и отделкою оружия. В произведениях этих ремесел видно во всех отношениях совершенно младенческое их состояние, и как будто умышленное нежелание делать красиво и отчетливо.

Говоря о туркменах, трудно пройти молчанием двух главных их помощников: верблюда и лошади. Без них немыслимо существование кочевников, при настоящих условиях.

Верблюды в Туркмении более одногорбые; они ростом меньше двугорбых и малосильнее их, но за то имеют способность лучше переносить жары. Верблюд, круглый год, находится на подножном корму и требует во время отдыха совершенной свободы. В сутки, со вьюком от 10 до 14 пудов, верблюд легко проходит 40 верст. Подобные переходы делаются так: с места проходят без остановки верст 20 или половину предположенного суточного пути; после того снимают вьюки и пускают верблюдов пастись часов на пять или на шесть, затем вьючат и проходят вторую половину, после чего верблюды также пасутся пять или шесть часов и т. д. Расстояние, проходимое верблюдом без отдыха, называют туркмены кочь — переход. Числом таких верблюжьих переходов определяются у них все значительные расстояния: так, например, если туркмен говорит, что до такого-то места девять кочей, т.е. верблюжьих безостановочных переходов, это значит, что с вьюком верблюд проходит названное расстояние в 4 1/2 суток. Все остановки в пути, когда [80] верблюды навьючены, избегаются, как для того, чтобы дать им больше времени пастись, так еще более и потому, что, при таких остановках, верблюды, сгучиваясь и касаясь друг друга вьюками, портят себе спины. В

час верблюд делает около 3 1/2 даже до 4-х верст; впрочем скорость движения зависит от свойства дороги; она уменьшается, если верблюдам приходится часто спускаться с гор и подниматься на них. Более всего уменьшается скорость движения по грязной дороге; тогда верблюды ступают робко, скользят, часто падают, причем нередко ломают себе ноги. После ежедневной работы в продолжение недели, необходимо верблюдам дать день или два пастись, так как тощим подножным кормом они не успевают насыщаться на пяти или шести часовых привалах. Верблюды сильно изнуряются, если им приходится в продолжение более месяца пастись тесно, и когда, при этом, нужно их сгонять на ночлег.

На туркменских кочевках верблюды ходят без всякого присмотра, удаляясь иногда от своего аула на несколько десятков верст. Некоторые пропадают в степи в продолжение целых месяцев. Оттого имеющий, например, 100 верблюдов, чрез день и может собрать их много, много 80; остальные в неизвестно в отлучке. Пить чрез день для верблюда дело нормальное; обходиться же без питья, не в жаркое время, не теряя сил, он может до четырех суток. Незнакомый ни с чем, кроме подножного корма, верблюд не ест сначала ни сена, ни ячменя, и чтобы приучить его к тому, нужно несколько раз класть ему пищу в рот. После этого верблюд входит во вкус и уже сам щиплет сено и обнюхивает мешки с ячменем. Самый полезный и, вместе с тем экономичный для них корм густо-замешанная на воде ячменная мука; из ее теста делают шары, вершка два в диаметре. Восьми фунтов в сутки такого корма вполне достаточно для верблюда. В и среднеазиатских ханствах дают им «кюнджуру» — выжимки кунжута; этот корм питателен, но очень разгорячает животных и Лошади у туркмен двух совершенно различных пород: одна порода лошадей малорослых, хотя сильных, но тяжелых; эту породу туркмены называют «ябу»; она, видимо, есть продолжение, на восток, наших вятков, казанок, и т. д. Другую породу составляют собственно знаменитые туркменские скаковые лошади: она произошла от помеси местных лошадей с арабскими. Первые смешения арабской и местной пород, вероятно, последовали во времена очень далекие; так говорят о том и предания. Потом подмесь [81] эта подновилась во времена первых арабских завоевателей, после покорения ими Персии. Тамерлан еще более улучшил кровь туркменских лошадей, распределив между племенами 5,000 кобылиц самых лучших арабских пород. Впоследствии, Надир-шах еще подновил породу, подарив текинцам 600

арабских кобылиц. Текинские лошади, а именно «текэ-ахал», считаются в настоящее время лучшими; после них мервские, потом уже иомудские и гикленские. Туркменские лошади ростом от трех до пяти вершков, на тонких сухих ногах; корпус, соответственно роста, тонок; грудь узкая, шея тонкая, длинная, прямая, голова довольно большая и, правду сказать, не имеет чистоты и грации головы арабской лошади; хвост довольно жидкий, грива весьма редкая, что происходит также, кажется, и от того, что шея лошади закрывается. Гриву обыкновенно выстригают дочиста.

У туркмен нет табунов; лошади воспитываются при кибитках, как у арабов. Находясь постоянно среди людей, туркменская лошадь делается ручна и в высшей степени понятлива. Туркмен любит и бережет свою лошадь более всего на свете; часто можно встретить кибитку с изодранными старыми войлоками, хозяина и его семейство в лохмотьях, а лошадь покрыта хорошими войлоками. Туркмены закрывают лошадей войлоками круглый год; зимою, говорят они, от холода, а летом от жары. На коновязи лошадь покрывается обыкновенно следующими покрывками: оставляются два войлочные потника, на них кладется «каджари», род вальтрапа (когда лошадь оседлана, каджари кладется поверх седла), из шерстяной или шелковой материи, обыкновенно: малинового цвета с узорами, подбитой мягким войлоком; длина каджари, от холки до хвоста; в передней ее части две лопасти, которыми закрывается грудь лошади; сверх каджари кладется белый войлок, составляющий собственно попону; передний конец его закрывает всю шею лошади до самых ушей; снизу шея и грудь в нескольких местах застегиваются; задний конец попоны спускается до половины хвоста. Наконец, поверх накидывается большой войлок; он закрывает шею, грудь и сзади спускается на столько, что только вершка на два или на три не касается земли. Белую попону и верхний войлок загибают под живот лошади и подтягивают в роде бинта, длиною широкою шерстяною тесьмою (елкян). Туркмены не знают ни щеток, ни скребниц, и только пред тем как седлать, обтирают лошадь рукою. Но шерсть постоянно закрытых лошадей мягка и бархатиста, и они всегда безукоризненно [82] чисты. Покрытые таким числом войлоков, лошадь гуляет на длинной, от трех до пяти сажень, шерстяной веревке, привязываемой к недоуздку или за заднюю ногу.

Туркменское седло состоит из легкого деревянного ленчика, задняя часть которого не имеет луки и похожа на английское седло; передняя часть поднимается довольно круто, почти со середины, и оканчивается высокою

лукою с овальной головкою. Туркменские ленчики высоко ценятся в Хиве и в Персии. Стремена железные с узорами, довольно тяжелы, походят на наши форменные, подвешиваются к ленчику на коротких ремнях, и более, нежели у наших седел, к задней стороне. Оттого в первый раз сидеть на туркменском седле кажется неловко и утомительно. К ленчику снизу подвязывается толстый потник, сшитый из войлоков в несколько рядов. Он имеет назначение, чтобы бока ленчика не терли лошади. Этот потник имеет вид треугольника, обращенного вперед закругленною вершиною и назад тоже закругленным основанием. Он, с привязанным к нему деревянным ленчиком, собственно и образует туркменское седло. Когда хотят седлать лошадь, раскрывают ее, обтирают руками, вытряхивают потники, опять кладут их, на них помещают седло, застегивают подпругу и нагрудник, состоящий из ремня, концы которого надеваются на луку седла; на седло кладут каджари, которое имеет отверстие для продевания луки; нагрудные лопасти каджари отгибаются назад и, особо пришитыми петлями, надеваются на луку седла. С закрытою грудью ездят на лошади шагом и когда очень холодно. Сверх каджари набрасывают белую войлочную попону, имеющую тоже отверстия для продевания луки; переднюю и заднюю части попоны загибают на седло. Каджари и попона подвязываются одним ременным троком.

Туркмены ездят на уздечках, никогда не употребляют мундштуков и убеждены, что они портят лошадей. Впрочем, для чувствительных, гибких, ручных и понятливых туркменских лошадей, кроме самой мягкой уздечки, ничего и ненужно. В Персии случается видеть туркменских лошадей на мундштуках; они делаются крепкоузды, заносчивы и как бы теряют гибкость шеи и всего стана. Только тот, кто ездил на туркменских лошадях, у туркмен, понимает как много в них общего с быстрою и нежною газелью. Туркменские лошади имеют следующие алюры: 1) обыкновенный шаг, вообще крупный, и только у немногих с наклоном к проезду; 2) самая мелкая рысь («курт-ериши»), [83] алюр не совсем покойный, но туркмены постоянно употребляют его в дороге, полагая, что при нем, особенно по пескам, лошадь менее всего утомляется; 3) крупная рысь туркменами потребляется мало, и потому в ней нет полноты и отчетливости, но немного нужно поехать на лошади для того, чтобы развить отличную прибавленную рысь; 4) галоп — самый любимый и более всего туркменами употребляемый алюр. У туркменских лошадей множество оттенков галопа, от собранного до

настоящего карьера. На галопе можно видеть скаковые свойства туркменской лошади: всаднику кажется, что без всякого усилия прыгающая лошадь подвигается медленно, и он только тогда убедится в противном, когда увидит, что рядом с ним скачущие лошади идут едва не в карьер. Редкая туркменская лошадь бросается с места в карьер; обыкновенно она в него переходит проскакавший, по крайней мере, шагов 600. Это зависит от выездки, причем туркмены убеждены, что подобная постепенность сохраняет силы лошади и дает ей возможность проходить на быстрых алюрах расстояния, для других пород лошадей немыслимые. Проскакать верст 25, немного проводить лошадь и потом сделать такой же конец опять галопом нипочем для обыкновенной лошади. Как самим туркменам случается по целым месяцам обходиться самою скудною пищею, только-только чтобы поддержать свое существование до благоприятного случая, когда они стараются вознаградить себя за пост, тоже самое испытывает и их лошадь. Туркмен, на вопрос: «какую дачу дает он лошади», ответит: «когда ячменя много, даем много, когда нет, не даем». Действительно, лошади их часто худеют до невероятия: буквально остается кожа да кости. За то, когда судьба пошлет кочевнику ячменя, лошадь ест его сколько хочет. Высшую степень туркменского благоденствия можно видеть с первого взгляда: лошадь, привязанная на длинной веревке, лениво гуляет перед кибиткой, подходя то к насыпанному в колоде или на старом мешке ячменю, то к куче арбузных и дынных корок. Туркмены всегда держат лошадь на длинной привязи, чтобы она могла иметь моцион и, когда ей вздумается, могла бы лечь на чистом месте. Кроме того, каждый день проводят лошадь или шагом, обыкновенно дети, проезжают на ней, не седлая; это считается особенно полезным после водопоя и дачи ячменя. Когда вблизи кочевки есть трава, то ведут лошадь туда пастись, привязывая ее на длинной веревке за ногу. Туркмены убеждены, что [84] сухие скудные травы их степей чрезвычайно полезны лошадям; что, кроме питательных начал, они имеют свойство возвышать температуру крови, а мускулам сообщать крепость и упругость. Праздный хозяин и его дети весь день копошатся около лошади; оттого, конечно, она так ручна и так понятлива.

Намереваясь отправиться в дальний набег, туркмен постепенно приготавливает к тому лошадь. Если она сыра, то заставляют ее похудеть, для чего перестают давать сено или «самон» (рубленая солома) и даже уменьшают дачу ячменя; вместе с тем, регулярно каждый день, проезжают ее, постепенно увеличивая

расстояния, сначала тихими, потом усиленными аллюрами. Сгнав жир с лошади, туркмены начинают укреплять ее, для чего дают круглые лепешки из ячменной и кукурузной муки, замешанные на бараньем сале. В сутки лошади нужно шесть фунтов ячменной, три фунта кукурузной муки и три фунта бараньего сала; пред тем чтобы приготовить тесто, сало долго и мелко рубится. По мнению туркмен, эти лепешки более всего развивают силу лошадей. Если лошадь, проскакавши в продолжение получаса полным карьером, возьмет только один глоток подставляемой ей воды, то туркмены считают, что жир с лошади согнан и время начать давать укрепляющие лепешки. Их дают в продолжение четырех или пяти дней, после чего лошадь считается готовою для самых усиленных трудов, на быстрых аллюрах. Отправляясь в набег до персидской границы, туркмены делают небольшие переходы, постепенно их усиливая. Во время набега, продолжающегося иногда до двух недель и более, лошади кормятся уже чем Бог послал; но и тогда стараются давать им, при всякой возможности, лепешки на бараньем сале. Особенность туркменской выдержки лошадей состоит также в том, что их можно поить разгоряченных, после какой угодно езды; нужно только, напоивши, в продолжение нескольких минут поскакать галопом. Купать или обливать водою лошадей туркмены считают вредным; лишь после продолжительной скачки, особенно в жаркое время, находят полезным, сняв с лошади седло и потники, осторожно соскоблив ножом пот с ее спины, облить ее водою, и затем тотчас же снова оседлать лошадь, перевернув потники.

Ездить на лошади начинают, когда ей исполнится 2 1/2 года, трех летние лошади совершают уже большие путешествия. Более всего встречается лошадей серых, потом гнедых и рыжих: и менее всего вороных. Туркмены, как и другие азиатцы, верят, что [85] на лошадях бывают приносящие несчастья приметы; если лошадь имеет эти приметы, то какими бы достоинствами ни обладала, ее никто не возьмет даже даром. Самая главная примета — если лошадь имеет белую отметину на правой задней ноге. Туркмен, при всей своей лени, лучше согласится идти пешком, чем ехать на лошади, имеющей эту примету.

Наездниками, в том смысле слова, как привыкли называть, например, кабардинцев, линейных казаков туркмен назвать нельзя. Они сидят на лошади неуклюже, некрасиво, чему способствует и самый костюм их. О настоящей джигитовке они не имеют понятия.

Прострелить на скаку из пистолета лежащую на земле шапку удастся весьма немногим. Туркмены отличаются только неутомимостью и выносливостью при переездах на большие расстояния. К большим переездам привыкли и всадники, и лошади, и знают для того все сноровки. Так, например, в дороге останавливаются только тогда, когда нужно кормить лошадь; делать же привалы считается не только бесполезным, но и вредным, так как оттого сокращается время настоящего отдыха лошади и становится более продолжительным время переезда. Проехать 150 верст в 18 часов — дело самое обыкновенное. Расстояние от Хивы до Балханских Гор, более 600 верст, проезжают в шесть, семь дней; случалось видеть лошадей, делавших это расстояние в пять дней.

Цены туркменских лошадей довольно высоки: низшая от 180 до 200 рублей; в 300 до 450 рублей — цены обыкновенные. Вообще, туркмены мало продают лошадей как потому, что у них самих хороших лошадей немного, так и потому, что весьма основательно считают лошадь самым лучшим оружием и самым надежным своим товарищем. Кажется, и туркмен, и его лошадь понимают, что они дополнение один к другому, и можно утвердительно сказать, что туркмены будут разбойниками до тех пор, пока у них такая прекрасная порода лошадей; в свою очередь, и эта порода лошадей существовать будет до тех пор, пока туркмены разбойники. В Хиве, Персии. Афганистане таже самая туркменская лошадь уже теряет свои отличные качества: здесь она тучнеет, тяжелеет, делается нечувствительна, непонятлива.

Всем известно, что туркмены похищают персиян и продают их в среднеазиатские ханства, преимущественно в Хиву, иомуды делают похищения в Астрабадской и Мазандеранской провинциях и в Хорасане, на дороге ведущей от города Шахруда в город [86] Мешед. В Астрабадскую провинцию они отправляются маленькими партиями, человека по три, по пяти, и хватают персов или едущих дорогою, или из деревень. Густая растительность помогает туркменам проходить тайно и скрывать свои следы. Впрочем, со стороны персов оказание хотя бы какого-нибудь сопротивления — редкость. Обыкновенно, попавшись, они не только молчат и не оказывают никаких попыток ни к бегству, ни к сопротивлению, но даже служат проводниками туркменам и содействуют им таким образом продолжать поиски для увода людей. Можно слышать весьма забавные о том рассказы от самих персов.

На берег Мазандерана туркмены отправляются в лодках, и, приставши где-нибудь в скрытном месте, идут на поиски; здесь обыкновенно они похищают людей вблизи деревень.

Набеги, в настоящем смысле слова, туркмены делают на мешедскую дорогу, между горами Шахрудом и Себзеваром, преимущественно у станций: Мэйэше, Миандешт, Абас-Абад и Мезинан. Сюда туркмены отправляются партиями от 50 до 300 и более человек. При выступлении из своих аулов, каждый имеет обыкновенно две лошади: одну малорослую, простую, породы ябы, другую скаковую. Кровный аргамак, выдержанный и приготовленный к набегу, идет за своим хозяином, едущим на маленькой лошадке, как собака. Войдя, таким образом, в горную полосу, отделяющую Туркестан от Хорасана, где на каждом шагу встречаются местные закрытия, партия разделяется: одна часть ее, преимущественно старики или не совсем доброконные, остается для прикрытия дорожных коней и разных тяжестей, как -то переметных сумм, попон, лишней одежды; другая часть садится на аргамаков и отправляется на грабеж. При этом всегда, помощью шпионов из местных же жителей, заблаговременно выследят караван, на который хотят напасть. Прежде узнают, велик-ли караван, много-ли в нем вооруженных людей, особенно кавказцев, называемых в Персии и у туркмен «дагестанцами». С таким-то почтением относятся там к закавказским татарам секты шииты, путешествующим на богомолье в Мешед. Это особенно может удивить прожившего некоторое время на Кавказе, где хорошо известно, что татары-шииты далеко не отличаются храбростью. Это уже дает понятие о военной доблести самих туркмен. Действительно, они не любят сопротивления и привыкли, что, при их внезапном появлении, караван сбивается в кучу, из которой туркмены хватают кого и что им угодно, на выбор. В Персии часто [87] случалось слышать, даже от людей слывущих удалыми наездниками, что против туркмен самое лучшее оружие нагайка. Когда вначале, не понимая в чем дело, я замечал, что с нагайкою трудно сделать что-нибудь против сабли, то мне объясняли, что о схватке или о борьбе нет и речи, а нагайка нужна для того, чтобы скорее ускакать. Вот почему, кусты, тень, камни и другие вдали неясно видимые предметы, при следовании каравана, часто причиняют забавные тревоги. Видевшему неоднократно такие фальшивые тревоги, легко представить себе что делается в случае тревоги настоящей.

Захваченных в плен персиян, если они здоровы, но бедны, продают: иомуды в Хиву, а текинцы в Хиву и Бухару; богатым предлагают выкупиться. В Хорасане есть особые маклера для выкупа из плена своих соотечественников. Эти люди живут обыкновенно в городах, занимаются мелочною торговлею и между туркменами имеют многочисленных кунаков. Безопасно отправляются они в туркменские кочевья, сообщают там сведения о движении караванов, о проездах богатых или значительных лиц, и, в то же время, уговариваются о цене выкупа. В Хорасане, вследствие хронического тревожного состояния страны, образовалось много таких элементов, личные интересы которых неразрывно связаны с тревожным состоянием страны, и весьма естественно, что они со страхом смотрят на распространение русского влияния в Средней Азии, предчувствуя, что с ним должен водвориться новый порядок вещей и в соседних землях. К числу заинтересованных тревожным состоянием страны принадлежат почти все воинственные кочевые племена, особенно их хопы; они боятся потерять свои льготы, номинальную только зависимость от персидского правительства и возможность делать все, что угодно, сваливая то или прямо на туркмен, или вообще на тревожное положение.

Многие авторитеты в знании Востока, в том числе и Вамбери, считают, что хищничество туркмен есть не более как результат их свирепого необузданного права, и что оно не только не доставляет им выгод, но даже служит главным препятствием к улучшению материального их благосостояния. Позволяем себе не согласиться с этим мнением; мы, напротив, убеждены, что не будь туркмены разбойниками, т.е. не похищай они людей в Персии и не продавай в Хиву, у них не было бы никаких связей ни с Хивой, ни с Персией по очень простой причине, именно потому, что туркмены не имеют у себя ничего, что могли бы [88] предложить соседям взамен того, в чем сами нуждаются. Только настоящее обаяние их, как похитителей людей, дает им возможность сбывать свои грубые произведения в Хиву и Персию, где не нуждаются, собственно говоря, ни в их шерстяных тканях, ни в их коврах, ни в скоте, ни даже в лошадях. Да и самые немногочисленные предметы сбыта одолжены в многом хищничеству: так, шерстяные ткани и ковры приготавливаются руками невольниц-персиянок и куртинок. Что касается до породы прекрасных лошадей, то она воспитана только в виду необходимости для набегов, и можно предсказать с уверенностью, что порода эта исчезнет, как только прекратятся разбойничьи

набеги туркмен и деятельность их получит другое направление. Сами туркмены нуждаются в хлебных произведениях, в бумажных тканях, в обуви, в выделанных кожах, в полосовом железе, в различного рода железных и медных изделиях, не говорим уже о предметах роскоши, доступных их быту. Репутация разбойников удешевляет, и в Хиве, и в Персии, цены на все грубые бедные произведения туркмен (иметь что-либо туркменское считается там щегольством хорошего тона), дает им кредит, в Хиве доставляет право пользоваться широким гостеприимством, а персиян заставляет заискивать у них, чтобы хотя этим, отчасти, задобрить и предотвратить грозу. Разбойничье ремесло, способствуя, таким образом, несколько и возвышению материального благосостояния туркмен, еще более возвышает их положение в нравственном и в политическом смысле.

Комментарии

1. Плоская возвышенность между Каспийским и Аральским морем называется "Усть-Уртом".
2. В той числе аулы Гюлеюштепе и Кара-Сенгер.
3. Это покорение дошло до настоящей цифры в последние годы, пострадавшие от набегов курдов. прежде оно было вдвое значительнее.
4. Можно утвердительно сказать, что еще менее, так как численность кибиток аулов Чекишляр и Гасан-кули берем слишком большую.
5. При колодцах, означенных 5 летом 1870 года туркмены не кочевали
6. Примечание. На северном склоне Большого Балхана находится много небольших родников с отличною пресною водою, по близости один от другого.

Текст воспроизведен по изданию: Туркмены иомудского племени // Военный сборник, № 1. 1872

ЭРСАРИ

Это вторая после текинцев по численности племенная группа туркмен. В историко-этнографических источниках сведения о эрсаринцах до начала XVI

в. очень ограничены и разноречивы. По данным В. В. Бартольда, Эрсари-баба—родоначальник этой племенной группы туркмен—жил в XIV в.¹ По свидетельству Абульгази, туркмены-эрсаринцы в XVI—начале XVII в. обитали в окрестностях Балханских гор- и на среднем Узбое, где они жили попеременно с салорами и входили в состав «внешних» салоров .

«Туркмены-эрсари соответственно своей численности,—пишет Абульгази,—платили в начале XVI в. дань Суфиян-хану Хорезма—16000 баранов; такого же размера дань платили и салоры» . В начале XVII в. эрсаринцы обитали и на Мангышлаке-Несколько позднее их многочисленная группа, вытесненная из Мангышлака ногайцами, ушла в район Ургенча, Везира и на Дарьялык, который в это время был обводнен⁴. Приток туркмен в пределы Хивинского ханства усилился во времена Исфендияр-хана (1623—1643 гг.) , привлекавшего родоплеменную верхушку туркмен-эрсаринцев к управлению страной и сбору налогов .

В середине XVII в., во времена Абульгази-хана (НИ.Ч —

1663 гг.), в силу политических и экономических затруднений, в основном в результате организованной Абульгази-ханом борьбы с туркменами основная масса эрсаринцев вынуждена была уйти из Хорезма. Одна их часть вернулась в район Балханских гор, а другая — откочевала вверх по Аму-Дарье, в район её среднего течения, вытеснив оттуда аймаков и местное тюркоязычное осёдлое земледельческое население.

Подразделения эрсаринцев после размещения в местах современного обитания, постепенно восстанавливая или строя новую ирригационную систему, перешли к земледельческой культуре¹.

«Во второй половине XVII в,—пишет В. Г. Мошкова,—начала, видимо, своё продвижение с Мангышлака по предгорьям Копет-Дага основная масса племени эрсари, которая к середине XVIII в. уже укрепилась на среднем течении Аму-Дарьи ».

В 1740 г., когда Надир-шах отправился за завоевание Туркестана, туркмены-эрсаринцы, узнав о приближении его многотысячной армии к долине Аму-Дарьи, забрав своё имущество, семьи и скот, поспешно ушли в глубь Каракумов по направлению к Мангышлаку . По свидетельству И. Ф. Бламберга, туркмены-эрсаринцы оказались тогда в очень тяжёлом материальном положении, представителями русской власти им была

оказана помощь зерном . В Каракумах эрса-рипы находились недолго. Уже к 1747 г. они вернулись на свои обжитые места в долине среднего течения Аму-Дарьи³. Как видно из сообщений Мухаммеда Казима , Мир Абдуль-Керима Бухарского и других историков , эрсаринцы, ранее другие прибывшие на Аму-Дашно, занимали здесь обширную территорию от Чарджоу до афганской границы . Их поселения носили рассредоточенный характер и тянулись вдоль узкой прибрежной полосы возделанных земель . По преданиям, эрсаринцы были расселены по родовому признаку. Каждое подразделение (тире), а также многие более мелкие группы (куде) имели свой особый арык.

Эрсаринцы—это одно из наиболее многочисленных племён туркменского народа. «Численность эрсаринцев точно не известна, — говорится в «Истории Туркменской ССР», — но туркменские предания утверждают, что их насчитывается якобы 140 тысяч кибиток»¹. Однако литературные и архивные сведения о реальной численности туркмен-эрсаринцев неполны и крайне разноречивы. Комиссией по районированию Средней Азии численность эрсаринцев в 1924 г. была определена в 94 650 человек . По данным же Г. И. Карпова, основанным на материалах переписи 1926 г., эрсаринцев насчитывалось 157 483 человека . Но надо иметь в виду, что приведенные Г. И. Карповым сведения о численности эрсаринцев нуждаются в больших коррективах. Г. И. Карпов искусственно включил в состав эрсаринцев такие, например, обособленные родоплеменные группы туркмен, как хыдыр-эли, агар, чандыр, салор (с подразделениями: меркит, мугол, крачли, акчик, яйчили и другие).

Мы, конечно, не имели возможности собрать точные данные о численности эрсаринцев, равно как и других племенных групп. Тем не менее, собранные нами материалы позволяют сделать вывод, что численность эрсаринцев была в 3—4 раза больше, чем салоров. За годы Советской власти, численность их, несомненно, значительно возросла, благодаря увеличению рождаемости и резкому уменьшению смертности, особенно в детском возрасте, в результате мероприятий по здравоохранению и повышению общего благосостояния колхозного крестьянства.

«Туркмены-эрсари,—говорится в «Истории Туркменской ССР»,—делились на улуг, гюнеш и карабекаул» . Фактически, как это следует из литературы и архивных данных, а также наших полевых исследований, эрсаринцы

делились на четыре большие группы (тайпа, уруг): кара, бекаул, улуг-депе и гю-неш. По свидетельству Абульгази, потомки кара и бекаул про-* исходят от Зейнал-Гази, сына Эрсари-бая, а улуг-депе (улуг- тупа) и гюнеш—от Мустафы-Гази . Каждая из названных групп эрсаринцев расчленилась на более мелкие подразделения.

По Г. И. Карпову, туркмены-эрсаринцы имели в своём составе 346 различных по численности подразделений³. В его таблице также ошибочно названы и «неэрсаринские» подразделения: илич (правильнее, элеч), ата, каркыи и другие.

На рис. 3 приведена составленная нами генеалогическая схема племени эрсаринцев конца XIX в. Относительно чётко выявить структуру этого племени удалось лишь после кропотливого сбора материалов во время сплошного этнографического обследования в 1956—1958 гг., а также в результате перекрёстного опроса информаторов и тщательного сопоставления их сведений с литературными и архивными данными.

При сопоставлении с нашей схемой обнаруживается, что в таблице Г. И. Карпова , так же как и в материалах Комиссии по районированию Средней Азии, имеются серьёзные неточности, искажения наименований отдельных родовых подразделений, а также путаница в генеалогической структуре и неправильное определение этнической принадлежности отдельных групп. Так, по спискам Комиссии по районированию Средней Азии, в составе эрсаринцев числится всего лишь 50 родовых подразделений , да и среди них названо несколько иноплеменных групп (аарбачи, баяты, саяты, човдуры, тихи, эскинцы и др.).

Следует отметить, что Г. И. Карпов искажённо представляет состав эрсаринцев. Четыре отдела эрсаринцев (улуг-депе, кара, гюнеш и бекаул) делились, но данным Г. И. Карпова, на 76 родовых групп (уруг, тире). Такое количество родовых групп, несомненно, получилось за счёт включения иноплеменных подразделений, а также в результате отнесения мелких подразделений (лакам или куде) к составу более крупных (тупа, уруг или тире). Но и в то же время некоторые подразделения остались невыявленными. Таким образом, перечень родовых подразделений эрсаринцев, приведенный Г. И. Карповым, далеко не полон и нуждается в существенных коррективах. По нашим же данным, в составе эрсаринцев насчитывается 607 подразделений (рис. 3).

Приход эрсарипцев! и места современного обитаи, ьо- >ако вытеснения и Афганистан аймаков, вы «вал перемете- пне и переселение и других этнических групп. Как отмечи лось выше, из северо-западной части современного Коркин СКОРО района эрсаринцы вытеснили на правый берег Аму Дарьи подразделения кырк-уйли и агри-ягыр из племенной группы салоров. Туркмены-чандыры вынуждены были уйти из Керки в пределы Сакара и Дейнау. Тогда же произошло и некоторое передвижение тюркоязычного аборигенного насе-ления, образовавшего впоследствии группу курама, присоеди-нившуюся затем к эрсаринцам под названием улуг-депе-ку- рама и гюнеш-курама. После обоснования эрсаринцев в пре-делах среднего течения Аму-Дарьи хотя и происходили ча-стичные передвижения отдельных подразделений туркменско-го и узбекского населения, но они не меняли картины в це-лом. Наиболее значительным из них было принудительное переселение сарыков и текинцев из приамударьинских райо-нов в пределы Мургабского оазиса.

Некоторые этнические перемещения произошли и в связи с завоеванием в XVIII в. иранцами территории, занятой турк-менским населением.

Как уже отмечалось, эрсаринцы имели в своём составе че-тыре большие группы: кара, бекаул, улуг-депе и гюнеш.

Наглядное представление о расселении эрсаринцев, как и других родоплеменных групп, на территории современной Чарджоуской области даёт карта (см. рис. 1), составленная нами исключительно на статическом и этнографическом мате-риале, собранном отрядом в 1956—1958 гг.

Эрсаринцы занимали в разных местах относительно ком-пактную территорию, на которой лишь отдельными пятнами встречались поселения некоторых других племён туркмен и узбеков.

1. Подразделения кара жили группами в нескольких ме-стах. Одна такая группа, состоявшая из подразделений (см. рис. 1) ислам (19)*, таган (22), казан (23), мамыш (24) и бай (20), занимала территорию по левобережью Аму-Дарьи, начиная от южной границы современного Карабекаульского района до северо-восточной окраины земель колхоза им. Анд-реева того же района.

Вторая группа, в которую входили подразделения бай (20), чекич (17), кураиш (18) и ябаны (25), жила на территории, входящей в настоящее время в колхоз «Москва» Бурдалыкского сельсовета Ходжамбасского района.

Третья группа, состоявшая из подразделения кара-ислам

(19), чекич (17), бай (20), мамыш (24) и ябаны (25), — занимала территорию от современного производственного участка «Комсомол» и до северо-восточной окраины производственного участка колхоза «Москва» Ходжамбасского района.

Четвёртая группа, в которую входили подразделения бай

(20) и кураиш (18), жила на территории, орошаемой арыком-1

ми Шаганды и Актом-кпк и нхо тящсн ныне м сое», и» шмель колхоза «Москва» Чартлигтююкого района.

Пятая группа, состоявшая из подразделений курант И-4' п чскнч (17), жила в кишлаках По «арык. 1'аиад. с'рдс.чъ и Кураиш, находящихся ныне на землях колхоза «Моемы» сельсовета Чондур и п кишлаке (арыке) Кагрегды. расположенном на землях колхоза им. Куйбышева. сельсовет Каркын Саятского района.

Небольшая группа представителей подразделения чекнч (17) жила в кишлаках (арыках) Кор и Лк геме, расположенных в пределах современного сельсовета Ламбе Карлоскаульского района.

Наконец, в кишлаке Ясты-тепе Чарджоуского района жила небольшая часть подразделения кураиш (18).

2. Из всех подразделений туркмен-зрари наиболее компактно жили все подразделения группы бекау.г ламбе (25). сарлп (27), ерлн (28), ушакан (22) и тогачн (60). Они занимали территорию от посёлка Карабекаул и на северо-запад до южной границы Саятского района за исключением земель производственного участка им. Тельмана пк «Тсннннзм» Карабекаульского района, где, как уже отмечалось, обитали подразделения чекич.

Другая группа бекаульцев, состоявшая из представителей подразделения култак (31), жила на правом берегу Аму-Дарьи, в кишлаках (арыках) Клерки и Кайраки Култак, входивших ныне в пределы колхоза «Коммунист» Ходжамбаево-го района.

3. Наиболее рассредоточенно были расселены подразделения улуг-депе. Так, подразделения кара (32) и мессыр-карл-багшилн (43) жили в кишлаке Карине, входящем ныне в колхоз «Коммуна» Чаршангинского района.

Подразделения этбаш (40), караджа (32), денажп (41) и мссыр-карабашилп (43) каждое зппмало обособленную территорию, орошаемую арыками Бозарык, Мпрзабек, Карры, Кунак, Мессыр, Карабагшпли и Денажи, которая находится ныне на территории колхоза «Аму-Дарья» Кнзыл-Аякского района.

Часть подразделения денажи (41) жила несколько севернее, в кишлаке Каркас сельсовета Мукры.

Ещё севернее, в кишлаке Кпзыл-Дик Кнзыл-Аякского сельсовета того же района, жило подразделение кмзыл-аяк (39).

На краном берегу Аму-Дарьи были расселены подразделения эсенменглп (38)—близ арыка Эсенмеигли (Ташрабадскнп сельсовет Чаршангинского района), подразделение ак-кум-да-нажп (41)—в кишлаке Каркас (сельсовет Л\укры Чаршашн-екого района); подразделение сурхн (34)—в кишлаках Чих

Лепберды, Даршаг и Баташ (колхоз «Победа» Керкинского района); подразделения караджа (32) и этбаш (40)—в кишлаке Ташлак (колхоз «Коммунизм» Керкинского района).

Компактную группу составляли подразделения сурх (33), чатрак (35), актери (36), аджи (37), эсенменгли (38), кура-ма (44), обитавшие на территории, входящей ныне в состав земель колхозов «Большевик», им. Ворошилова и «Коммунизм» Халачского района.

Территорию к северу от производственного участка МТС колхоза им. Ленина и до северо-западных окраин колхоза им. Жданова Халачского района занимали представители подразделений аджи (37), кизыл-аяк (39), эсенменгли (38) и га-бурды (42).

Часть подразделений караджа (32) жила на землях колхоза им. Калинина Халачского района¹. Еще одна часть этого подразделения вместе с представителями подразделения эт-баш (40) жила далее на севере, эднимая территорию от поселка Пальварт до северо-западных окраин Халачского района.

Наконец, на правом берегу Аму-Дарьи жила компактная группа из подразделений: караджа (32), сурх (33), эсенменгли (38), этбаш, борошлы (40) и габурды (42), занимавшая территорию к северу от производственного участка «Комсомол» колхоза им. Ленина сельсовета Сурх и до северо-восточной окраины сельсоветов Бешир и Мекан Ходжамбасского района.

Совершенно в отрыве от основной массы подразделений улуг-депе жила часть представителей подразделения караджа (32) численностью 489 человек (поданным 1925 г.1), занимавшая кишлак Шихбиял, входящий ныне в колхоз «Москва» и частично в колхоз «Большевик» Дейнауского района. По словам 76-летнего Арашбаба Худайкулиева и 72-летнего Новрузбаба Абдыева из колхоза «Москва», представители подразделения караджа живут на этой территории с конца XVIII в. Эти информаторы рассказали два предания о том, как появились здесь их предки. Согласно одному преданию, караджа, поссорившись со своими сородичами, обитавшими в пределах современного Халачского района, откочевали вниз по Аму-Дарье и заняли земли ушедших в Мургабский оазис туркмен-текинцев. По другому преданию, которое нам представляется наиболее вероятным, караджинцы, обитавшие в Каракульском оазисе, были насильно переселены в места современного обитания с целью заселения пограничных районов Бухарского ханства.

4. Основная масса гюнеш, то есть четвёртой группы туркмен-эрсаринцев, включавшая представителей подразделений чекир (45), чакыр (46), кабасакал (47), сулейман (48), омар

1 Госархив Чаоджоуской области, ф. 55, оп. 1, д. 156, л. 59.

| 49), кизылджа (50) и курама-гюнеш (51), жила по левому берегу Аму-Дарьи, начиная от современного посёлка «Полит-отдел» колхоза им. Ленина Керкинского района на юге и до северо-западной окраины кишлака Чахпотта Халачского района.

Представители подразделения чакыр (40) жили также в кишлаке Чакыр, входящем ныне в колхоз им. Ленина Чаршангинского района.

Часть подразделения кизылджа (50) была расселена близ арыка Кизылджа, Кизыл-Аякского сельсовета того же района.

Две группы гюнеш жили в пределах Халачского района. Одна группа, состоявшая из представителей подразделений сулейман (48) и кизылджа (50), размещалась в кишлаках ;(арыках) Сулейман и Кизылджа, ныне производственные уча-стки «Кизил-Кошуп» и «Комсомол» колхоза им. Ленина Вторая группа жила в кишлаках (арыках), расположенные в границах современного колхоза Гуйч Бирлешик.

Наконец, представители подразделений чакыр (46), че- кир (45), кабасакал (47) и курама-понеш (5!) жили в киш-лаках (арыках) Ак-Бурды, Ок, Кабасакал и Чакыр, входя-щих ныне в колхоз «Коммунизм» Кизыл-Аякского района.

Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР Том VI 1962.